

Роальд Далъ

МАТИЛЪДА

Роальд Даль

ЗАХАРОВ

Роальд Даль

МАТИЛЬДА

ЗАХАРОВ • МОСКВА • 2002

УДК 820-311.2
ББК 84-4 Вл
Д 15

Roald Dahl
MATILDA
London
1988

ISBN 5-8159-0251-9

- © Roald Dahl, автор, 1988 (www.RoaldDahl.com)
- © Quentin Blake, иллюстрации, 1988
- © Ирина Кастальская, перевод с английского, 2002
- © Андрей Сергеев, стихотворный перевод на стр. 146, 1984
- © Игорь Захаров, издатель, 2002

ЧИТАТЕЛЬНИЦА

Странные они люди, эти папы и мамы. Даже если их отпрыск — самое отвратительное маленькое существо на свете, родители все равно уверены, что оно лучше всех.

Некоторые родители идут еще дальше. Они подчас настолько ослеплены обожанием, что ухитряются убедить себя, будто их ребенок наделен талантами гения.

Что ж, ничего плохого во всем этом нет. Так уж повелось на свете. Но вот когда родители начинают расписывать блестящие достоинства своего ужасного отпрыска, тогда мы поднимаем крик: «Принесите-ка тазик! Сейчас стошнит!»

Школьные учителя особенно страдают из-за того, что им приходится выслушивать хвастовство гордых родителей, и когда приходит время по окончании четверти писать характеристики, они мстят. Будь я учителем, я бы состряпал нечто потрясающее для родителей, чьи души не чают в своих детях. «Ваш сын Максимилиан, — написал бы я, — полный нуль. Надеюсь, у вас есть семейное дело, куда вы могли бы его пристроить по окончании школы, потому что ясно как дважды два —

другой работы ему не найти». А будь у меня в тот день лирическое настроение, я бы написал так: «Интересно, что у кузнечиков органы слуха расположены в брюшке. Судя по тому, что ваша дочь Ванесса усвоила за эту четверть, у нее вообще нет органов слуха».

Я мог бы даже углубиться в естественную историю и заявить: «Певчая цикада шесть лет проводит под землей в качестве личинки и не более шести дней наслаждается солнцем и свежим воздухом. Ваш сын Уилфред шесть лет был личинкой в нашей школе, а мы все ждем, когда же он вылупится из куколки». Какая-нибудь особенно ядовитая девчонка могла бы заставить меня высказаться так: «Фиона обладает леденящей красотой айсберга, но в отличие от айсберга ниже поверхности у нее нет решительно ничего». Думаю, мне доставило бы удовольствие писать в конце четверти характеристики на всяких попрыгунчиков и попрыгуний. Но довольно об этом. Нам нужно идти дальше.

Иногда встречаешь родителей, занимающих противоположную позицию, вовсе не интересующихся своими детьми, и эти, конечно же, гораздо хуже тех, которые обожают своих чад. Мистер и миссис Вормвуд были именно такими родителями. У них был сын по имени Майкл и дочь, которую звали Матильда, и родители смотрели на эту самую Матильду как на какую-то бу-

кашку. Букашка — это нечто такое, с чем можно смириться, покуда не наступает время, когда от нее хочется отмахнуться. Мистер и миссис Вормвуд с громадным нетерпением дожидались того времени, когда можно будет отмахнуться от дочери, да так, чтобы по возможности она оказалась в соседнем графстве, а то и еще дальше.

Плохо, когда родители обращаются с обыкновенными детьми так, будто те букашки или прыщи, но еще хуже, когда ребенок необыкновенный, то есть наделен и чувством, и умом. Матильда была наделена и тем, и другим, а о способностях и говорить нечего. Ум у нее был такой живой, и она так быстро все схватывала, что ее способности не остались бы незамеченными даже самыми слабоумными родителями. Но мистер и миссис Вормвуд были такими бестолковыми и настолько были поглощены своей собственной глупой жизнью, что не замечали в дочери ничего необыкновенного. По правде, сомневаюсь, заметили бы они что-нибудь необыкновенное, если бы она вползла в дом со сломанной ногой.

Майкл, брат Матильды, был совершенно нормальным ребенком, но его сестра, как я сказал, представляла собою нечто такое, отчего глаза вылезают из орбит.

В возрасте полутора лет речь ее была совершенна, и она знала столько же слов, сколько известно большинству взрослых. Родители, вместо того чтобы аплодировать ей, называли ее болтушкой и резко говорили ей, что маленькие девочки должны быть видими, но не слышимы.

К трем годам Матильда самостоятельно научилась читать, подбирая газеты и журналы, валявшиеся повсюду в доме. В возрасте четырех лет она уже читала быстро и

хорошо, и естественно, ей захотелось книг. Единственной книгой во всем этом высококультурном доме было нечто под названием «Общедоступная кулинария», принадлежавшее ее матери, и когда она прочитала этот труд от корки до корки и выучила наизусть все рецепты, то решила, что ей нужно что-нибудь поинтереснее.

— Папа, — обратилась она к отцу, — ты мог бы купить мне книгу?

— Книгу? — удивился он. — Это еще зачем?

— Чтобы читать, папа.

— Тебе что, телевизора мало? У нас отличный телевизор, двенадцать дюймов по диагонали, а тебе книгу подавай! Ты портишься, моя девочка!

Почти целыми днями Матильда сидела одна в доме. Ее брат (он был на пять лет старше сестры) учился в школе. Отец уходил на работу, а мать уезжала в соседний городок, находившийся в восьми милях, чтобы поиграть там в лото. Миссис Вормвуд была помешана на лото и играла в него пять раз в неделю. В тот самый день, когда отец отказался купить Матильде книгу, она сама отправилась в библиотеку. Явившись туда, она представилась заведующей, миссис Фелпс, после чего спросила, нельзя ли ей посидеть немного и почитать книгу.

Миссис Фелпс, слегка огорошенная прибытием столь маленькой девочки без сопровождения родителя, тем не менее сказала ей, что она может располагаться.

— Скажите пожалуйста, а где у вас детские книги? — спросила Матильда.

— Вон на тех нижних полках, — ответила миссис Фелпс. — Хочешь, я найду тебе что-нибудь интересное, где много-много картинок?

— Спасибо, не надо, — сказала Матильда. — Я уверена, что сама справлюсь.

Начиная с этого времени Матильда каждый день шла в библиотеку, едва ее мать уезжала играть в лото. На дорогу у нее уходило всего десять минут, и это давало ей возможность провести два божественных часа, в течение которых она могла тихонько сидеть в углу в полном одиночестве и проглатывать одну книжку за другой. Прочитав все до единой детские книги, имевшиеся в библиотеке, она стала искать что-нибудь еще.

Миссис Фелпс, с восхищением следившая за нею в последние несколько недель, вышла из-за стола и подошла к ней.

— Могу я чем-нибудь тебе помочь? — спросила она.

— Я не знаю, что бы мне еще почитать, — ответила Матильда. — Все детские книжки я прочитала.

— Ты хочешь сказать, что рассмотрела все картинки?

— Да. Но я также прочла и все, что в них написано, — ответила Матильда.

Миссис Фелпс посмотрела на Матильду с высоты своего огромного роста, а Матильда посмотрела на нее снизу вверх.

— Некоторые книжки показались мне довольно глупыми, как будто писали их глупые люди, — продолжала Матильда, — но некоторые — просто замечательными. Больше всего мне понравился «Таинственный сад». Там столько тайн! Тайна комнаты за закрытыми дверями и тайна сада за высокой стеной.

Миссис Фелпс была потрясена.

— Сколько же тебе лет, Матильда? — спросила она.

— Четыре года и три месяца, — ответила Матильда.

Миссис Фелпс была еще более потрясена, но у нее хватило ума не выказывать свои чувства.

— Какую книжку тебе теперь хотелось бы прочесть? — спросила она.

— Какую-нибудь очень хорошую, которую читают взрослые. Знаменитую. Но я не знаю никаких писателей.

Миссис Фелпс окинула взглядом полки. Она и сама не знала, что бы предложить. Интересно, спрашивала она у самой себя, как выбирают знаменитую взрослую книгу для четырехлетней девочки? Ее первой мыслью было взять с полки роман о первой любви, из тех, что пишутся для пятнадцатилетних девушек, но чутье подсказало ей: нужно пройти мимо полки с такими романами.

— Попробуй вот это, — сказала она наконец. — Это очень знаменитая книга и очень хорошая. Если она покажется тебе чересчур сложной, скажи мне об этом, и я подыщу для тебя что-нибудь покороче и полегче.

— «Большие ожидания», — прочитала Матильда. — Чарльз Диккенс. С удовольствием попробую.

«Я, наверно, с ума сошла, — решила про себя миссис Фелпс. А Матильде она сказала вот что:

— Конечно же, попробуй.

В продолжение нескольких следующих дней миссис Фелпс глаз не могла оторвать от маленькой девочки, часами просиживавшей в большом кресле в дальнем углу с книгой на коленях. Держать книгу можно было только на коленях, потому что она была очень тяжелая, и Матильде приходилось еще и вытягивать шею, чтобы удобнее было читать. И как странно было видеть этого крошечного темноволосого человечка, с ножками, едва достающими до пола, захваченного необыкновенными приключениями Пипа и старой мисс Хэвишэм, обитательницы затянутого паутиной дома, человечка, очарованного волшебством, которое великий рассказчик сплел из слов. Читательница лишь время от времени поднимала руку, чтобы перевернуть страницу, и миссис Фелпс всякий раз испытывала сожаление, когда ей приходилось подходить к девочке и говорить: «Без десяти пять, Матильда».

Когда Матильда только начала ходить в библиотеку, миссис Фелпс спросила у нее:

— Твоя мама провожает тебя сюда, а потом забирает домой?

— Моя мама каждый день ездит в Айльзбери, где играет в лото, — ответила Матильда. — Она не знает, что я сюда хожу.

— Но ведь это нехорошо, — заметила миссис Фелпс. — Думаю, тебе нужно спросить у нее разрешения.

— Лучше мне этого не делать, — возразила Матильда. — Она не одобряет чтение книг. Да и папа тоже.

— Но чем же, по их мнению, ты должна заниматься целый день в пустом доме?

— Слоняться без дела и смотреть телевизор.

— Понятно.

— Ей вообще-то все равно, чем я занимаюсь, — с грустью произнесла Матильда.

Миссис Фелпс сразу же подумала о том, как же ребенок один идет по довольно-таки оживленной главной улице и как переходит через дорогу, но потом решила не вмешиваться.

Через неделю Матильда прочитала «Большие ожидания», книгу, которая в этом издании насчитывала четыреста одиннадцать страниц.

— Мне она очень понравилась, — сказала она миссис Фелпс. — А мистер Диккенс что-нибудь еще написал?

— Он написал много книг, — ответила изумленная миссис Фелпс. — Хочешь, я дам тебе еще одну?

В продолжение следующих шести месяцев Матильда под бдительным и сочувственным взором миссис Фелпс прочитала следующие книги:

«Николас Никльби» Чарльза Диккенса.

«Оливер Твист» Чарльза Диккенса.

«Джейн Эйр» Шарлотты Бронте.

«Гордость и предубеждение» Джейн Остин.

«Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди.

«Ким» Редьярда Киплинга.

«Человек-невидимка» Герберта Уэллса.

«Старик и море» Эрнеста Хемингуэя.

- «Шум и ярость» Уильяма Фолкнера.
- «Гроздь гнева» Джона Стейнбека.
- «Брайтон-рок» Грэма Грина.
- «Скотный двор» Джорджа Оруэлла.

Это был внушительный список, и миссис Фелпс переполняло изумление и любопытство. Однако она не позволяла себе излишне восхищаться. Наверно, любой другой, наблюдая за достижениями этого маленького ребенка, поддался бы искушению и поднял большой шум на весь город, а то и на всю округу, но не такой была миссис Фелпс. Она была из тех, кто не вмешивается в чужие дела, и уже давно пришла к выводу, что только в редких случаях можно совать свой нос в дела людей, у которых дети.

— Мистер Хемингуэй говорит много такого, чего я не понимаю, — сказала ей Матильда. — Особенно о мужчинах и женщинах. Но мне он все равно нравится. Он рассказывает так, что у меня появляется чувство, будто я сама там нахожусь и наблюдаю, как все происходит.

— Хороший писатель всегда заставит тебя так чувствовать, — сказала миссис Фелпс. — А насчет того, что

ты чего-то не понимаешь, не волнуйся. Просто сиди и читай, и пусть слова обволакивают тебя, как музыка.

— Хорошо.

— А ты знаешь, — спросила миссис Фелпс, — что в библиотеке можно брать книги домой?

— Я этого не знала, — ответила Матильда. — И мне это можно делать?

— Конечно, — сказала миссис Фелпс. — Выбери книжку, которая тебе нравится, принеси ее мне, чтобы я ее записала, и она твоя на две недели. Если хочешь, можешь взять несколько.

Начиная с этого времени Матильда стала приходить в библиотеку только раз в неделю, чтобы взять новые книги и вернуть прочитанные. Ее маленькая спальня превратилась в читальный зал, и она там сидела и читала целыми днями, иногда с кружкой горячего шоколада. Ей трудно было дотянуться до некоторых предметов на кухне, но в сарае был небольшой ящик, который она приносила в дом, чтобы встать на него и достать то, что ей было нужно. Приготовив на кухне кружку горячего шоколада, она отправлялась к себе в комнату, где и проводила весь день. Книги переносили ее в новые миры и знакомили с удивительными людьми, которые жили интересной жизнью. Она уплывала на старинных парусниках с Джозефом Конрадом, уезжала в Африку с Эрнестом Хемингуэем и в Индию с Редьярдом Киплингом. Не выходя из своей маленькой комнатки и даже не выезжая из города, она объездила весь мир.

МИСТЕР ВОРМВУД, ВЕЛИКИЙ ТОРГОВЕЦ АВТОМОБИЛЯМИ

У родителей Матильды был приличный дом с тремя спальнями наверху, а на первом этаже находились столовая, гостиная и кухня. Ее отец торговал подержанными автомобилями и, похоже, преуспевал в этом занятии.

— Опилки, — с гордостью заявил он как-то, — вот один из самых больших секретов моего успеха. К тому же, они мне ничего не стоят. Я их беру даром на лесопильном заводе.

— А что ты с ними делаешь? — спросила его Матильда.

— Ха! — ответил отец. — А тебе это зачем знать?

— Просто я не могу понять, как опилки могут помочь тебе продавать подержанные машины, папочка.

— Это потому, что ты глупая маленькая тупица, — сказал отец. Речь его никогда не была изысканной, но Матильда привыкла к этому. Она знала также, что он любил прихвастнуть, и иногда подбивала его к этому.

— Ты, наверно, очень умный, если используешь то, что ничего не стоит, — сказала она. — Вот бы мне так.

— У тебя ничего не выйдет, — отвечал отец. — Ты слишком глупа. Но я, пожалуй, расскажу об этом Майку. Ведь рано или поздно он вступит в мое дело.

Не обращая более внимания на Матильду, он повернулся к своему сыну и продолжал:

— Никогда не могу отказать себе в удовольствии купить машину у какого-нибудь дурака, который так разбил клапана в моторе, что они стучат как ненормальные. Беру ее, разумеется, за бесценок. Затем я просто напросто высыпаю опилки в большом количестве в

двигатель, где они смешиваются с маслом, и машина бежит как новенькая.

— И сколько она будет бегать, прежде чем снова не заглохнет? — спросила Матильда.

— Столько, сколько нужно, чтобы покупатель отъехал на приличное расстояние, — усмехнувшись, ответил отец. — Миль на сто.

— Но это нечестно, папа, — сказала Матильда. — Это обман.

— Еще никто не стал богатым, будучи честным, — заметил отец. — Клиенты для того и существуют, чтобы их дурили.

Мистер Вормвуд был маленьким человечком, похожим на крысу; его передние зубы торчали из-под тонких крысиных усиков. Он любил пиджаки ярких цветов в крупную клетку и щеголял в галстуках, которые были обычно желтыми или бледно-зелеными.

— Ну, а возьми, к примеру, пробег, — продолжал он. — Тот, кто покупает подержанную машину, первым делом хочет знать, сколько миль она прошла. Так?

— Так, — ответил сын.

— Покупаю я старую развалюху, у которой на спидометре примерно сто пятьдесят тысяч миль. Беру ее, разумеется, за бесценок. Но кто же ее купит с таким пробегом? Между тем в наше время не вынешь спидометр и не открутишь цифры назад, как мы это делали раньше. Его так теперь монтируют, что невозможно что-то переделать, если только ты не какой-нибудь там чертов часовщик или еще кто-нибудь в этом роде. Так что же я делаю? Шевелю мозгами, парнишка, вот что я делаю!

— Как это? — в восхищении спросил юный Майкл. Похоже, он унаследовал любовь отца к мошенничеству.

— Я сажусь и спрашиваю у самого себя — каким образом можно изменить показание в сто пятьдесят тысяч миль и сделать так, чтобы было всего лишь десять тысяч, не разбивая при этом спидометр? Разумеется, если бы я какое-то время поездил в этой машине задним ходом, то ясно, что это было бы то, что нужно. Цифры

бы побежали назад, так? Но кому взбрет в голову ездить в чертовой машине тысячи и тысячи миль назад? Да никому!

— Конечно, никому, — согласился юный Майкл.

— Вот и я задумываюсь, — продолжал отец. — То есть, шевелю мозгами. Если уж имеешь отличные мозги, вроде моих, то ими надо обязательно шевелить. И вдруг ко мне приходит решение. Скажу тебе, в тот момент я чувствовал себя точно так же, как, наверно, тот умный парень, когда он открыл пенициллин. «Эврика! — кричал я. — Ну конечно же!»

— И что же ты придумал, папа? — спросил у него сын.

— Спидометр, — сказал мистер Вормвуд, — соединен проводом с одним из передних колес. Поэтому прежде всего я отсоединяю провод в том месте, где он связан с передним колесом. Затем беру высокоскоростную электрическую дрель и соединяю ее с проводом таким образом, что когда сверло начинает вращаться, то вращается оно в обратном направлении. Понятно? Врубается?

— Да, папа, — сказал юный Майкл.

— Эти дрели вращаются с огромной скоростью, — продолжал отец, — поэтому как только я ее включаю,

цифры начинают бежать назад с фантастической скоростью. При помощи высокоскоростной электрической дрели я за несколько минут могу сбросить со спидометра пятьдесят тысяч миль. А когда закончу, на спидометре останется только десять тысяч, и машина готова к продаже. «Да она почти новая, — говорю я клиенту. — И десяти тысяч не прошла. Одна пожилая дама ездила на ней раз в неделю за покупками».

— А что, правда можно с помощью электродрели изменить показания на спидометре? — спросил юный Майкл.

— Я раскрываю тебе секреты торговли, — ответил отец. — Так что не вздумай кому-нибудь проболтаться. Ты ведь не хочешь, чтобы меня упекли в тюрьму, а?

— Никому не скажу, — произнес мальчик. — А ты со многими машинами такое делаешь, папа?

— Каждая машина, которая попадает в мои руки, проходит курс лечения, — ответил отец. — Им всем сбрасывается километраж до десяти тысяч, а то и меньше. Только после этого они выставляются на продажу. А самое главное, я сам все это придумал, — с гордостью прибавил он. — Я таким образом кучу денег заработал.

Матильда, которая все это время внимательно его слушала, сказала:

— Но, папа, это еще более нечестно, чем в случае с опилками. Это отвратительно. Ты обманываешь людей, которые тебе доверяют.

— Если тебе это не нравится, тогда не ешь ничего в этом доме, — ответил отец. — Тут все куплено на прибыль.

— Это грязные деньги, — сказала Матильда. — Я их ненавижу.

На щеках отца выступили красные пятнышки.

— За кого, черт возьми, ты себя принимаешь? — вскричал он. — За архиепископа Кентерберийского? О честности мне тут проповедует. Ты всего-навсего глупая маленькая тупица, и у тебя нет абсолютно никакого представления о том, что мы говорим!

— Ты совершенно прав, Гарри, — сказала мать. А Матильде она заметила:

— Как ты смеешь так разговаривать со своим отцом! А теперь закрой-ка свой ужасный рот, чтобы все могли спокойно посмотреть телевизор.

Ужинали они в гостиной перед телевизором. Тарелки стояли у них на коленях. Это были походные тарелки из фольги с отделениями для тушеного мяса, вареной картошки и горошка. Миссис Вормвуд жевала, не отрывая глаз от экрана; показывали американскую мыльную оперу. Миссис Вормвуд была крупной женщиной; волосы ее были выкрашены в платиновый цвет, однако корни волос были по цвету, как коричневые мыши. Она обильно пользовалась косметикой, а фигура у нее была такая, что казалось, она специально всю себя перепоясывает, чтобы тело не расплылось.

— Мама, — сказала Матильда, — можно я поужинаю в столовой и почитаю там книгу?

Отец вскинул на нее глаза.

— Нет, нельзя! — рявкнул он. — Ужин — семейное дело, и никто не выйдет из-за стола, пока он не закончится.

— Но мы не за столом, — сказала Матильда. — Мы никогда не садимся за стол. Мы всегда ставим еду на колени и при этом смотрим телевизор.

— А что плохого в том, что мы смотрим телевизор, могу я тебя спросить? — сказал отец. Голос его неожиданно стал вкрадчивым и угрожающим.

Матильда не решилась ответить ему и потому промолчала. Она чувствовала, как внутри у нее нарастает гнев. Она знала, что нельзя так ненавидеть родителей, но ей было очень трудно не ненавидеть их. Все, о чем удалось ей узнать из книг, открыло ей такие стороны жизни, которых ее родители никогда не знали. Если бы только они почитали Диккенса или Киплинга, то поняли, что жизнь — это нечто большее, чем мошенничество или сидение перед телевизором.

И еще. У нее вызывало негодование, что ей постоянно говорили о том, какая она тупая и глупая, ведь она знала, что это не так. Гнев ее все нарастал, и ночью она приняла решение. Она решила постоять за себя, если

отец или мать будут вести себя жестоко по отношению к ней. Одна-две маленькие победы помогут ей стерпеть их выходки и не позволят сойти с ума. Ведь не забывайте, что ей еще не было и пяти лет, а человеку в таком возрасте трудно соперничать со всемогущими взрослыми.

После того, что произошло в тот вечер перед телевизором, список предполагаемых жертв возглавил ее отец.

ШЛЯПА И СУПЕРКЛЕЙ

На следующее утро, незадолго до того, как отец должен был отправиться в свой мерзкий магазин подержанных автомобилей, Матильда проскользнула в гардероб и взяла шляпу, которую он надевал каждый день. Для этого ей пришлось приподняться на цыпочки и с помощью трости подцепить шляпу с вешалки, и то она достала ее с трудом. Шляпа была с плоской круглой тульей, загнутыми кверху полями, и с пером сойки, воткнутым за ленту. Мистер Вормвуд очень гордился ею. Он полагал, что шляпа придавала ему лихой и бравый вид, особенно когда он надевал ее набекрень и облачался в яркий клетчатый пиджак с зеленым галстуком.

Держа шляпу в одной руке, а тоненький тюбик Суперклея в другой, Матильда очень аккуратно обмазала клеем внутреннюю кромку шляпы. Затем она снова повесила шляпу на вешалку с помощью трости. Она тщательно рассчитала всю операцию по времени, и клей намазывала как раз в тот момент, когда отец поднимался из-за стола, кончив завтракать.

Мистер Вормвуд ничего не заметил, когда надел шляпу, но, явившись в гараж, снять ее не смог. Суперклея — очень липучая вещь, такая липучая, что можно кожу содрать, отрывая то, что к ней прилипло. Мистер Вормвуд не хотел снимать с себя скальп, поэтому весь день был в шляпе, даже когда засыпал опилки в двигатель и изменял показания спидометра с помощью электродрели. Дабы сохранить лицо, он напустил на себя невозмутимый вид, надеясь, что его служащие подумают, будто он нарочно решил целый день быть в шляпе, как гангстер из какого-нибудь фильма.

Возвратившись вечером домой, он так и не смог снять шляпу.

— Какой же ты болван, — сказала ему жена. — Иди сюда. Я ее сниму.

Она попыталась сдернуть шляпу. Мистер Вормвуд издал крик, от которого задрожали оконные стекла.

— А-а-а! — кричал он. — Не делай этого! Отпусти меня! Ты кожу со лба сдерешь!

Матильда, уютно устроившись в кресле, с некоторым любопытством наблюдала за этим представлением поверх книги.

— Что случилось, папа? — спросила она. — У тебя что, голова распухла?

Отец метнул в сторону дочери взгляд, полный глубокого подозрения, но промолчал. Да и что он мог сказать? Миссис Вормвуд заметила ему:

— Наверно, это Суперклей. Ничего другого и быть не может. Пусть это будет для тебя уроком. С такими пакостями нужно обращаться осторожнее. Ты, вероятно, хотел приклеить еще одно перо на свою шляпу.

— Да не трогал я эту дрянь! — вскричал мистер Вормвуд. Он снова взглянул на Матильду, которая смотрела на него большими невинными глазами.

— Прежде чем иметь дело с опасными веществами, обязательно прочитай, что написано на тюбике, — говорила ему миссис Вормвуд. — Всегда все делай по инструкции.

— Что ты такое несешь, глупая курица? — закричал мистер Вормвуд, хватаясь за края шляпы, чтобы никто не попытался снова сорвать ее. — Ты думаешь, я специально приклеил ее к голове?

— Тут недалеко живет один мальчик, — сказала Матильда, — который, сам не зная что делает, намазал палец Суперклеем, а потом засунул палец в нос.

Мистер Вормвуд подскочил на месте.

— И что с ним стало? — захлебываясь от возбуждения, проговорил он.

— Палец застрял в носу, — ответила Матильда, — и ему пришлось целую неделю так проходить. Ему говори-

ли: «Прекрати ковырять в носу», — а он ничего не мог поделать. Выглядел он ужасно глупо.

— Так ему и надо, — сказала миссис Вормвуд. — Он вообще не должен был засовывать палец в нос. Это скверная привычка. Если бы всем детям смазывали пальцы Суперклеем, они бы быстренько избавились от нее.

— Взрослые тоже это делают, мама, — заметила Матильда. — Я вчера видела, как ты на кухне ковыряла в носу.

— Ну ладно, довольно, — сказала миссис Вормвуд, розовея.

Мистер Вормвуд вынужден был просидеть в шляпе перед телевизором в продолжение всего ужина. Он выглядел смешно и за весь вечер не произнес ни слова.

Укладываясь спать, он попытался еще раз снять эту штуковину. Пыталась это сделать и его жена, но шляпа не поддавалась.

— Как же я буду принимать душ? — спросил он.

— Обойдешься без душа, — ответила ему жена.

Потом, глядя, как ее муж, этот тощий маленький человечек, пробирается тайком вдоль кровати в своей

пижаме в фиолетовую полоску и в шляпе на голове, она подумала — как же глупо он выглядит. Не о таком муже мечтает женщина, отметила она про себя.

Мистер Вормвуд пришел к заключению, что если с головы не снимается шляпа, то самое худшее — это то, что в ней приходится спать. Невозможно удобно устроиться на подушке.

— Да прекрати же ты ворочаться, — сказала ему жена после того, как он целый час крутился и вертелся. — К утру она будет сидеть свободно, а потом легко сама сползет.

Но и к утру она не сидела свободно и не желала сползать.

Тогда миссис Вормвуд взяла ножницы и срезала эту штуку с его головы по кусочкам, начиная с тульи и переходя к полям. Там, где шляпа прилипла к волосам, ей пришлось срезать волосы до самой кожи, так что в результате вокруг головы образовалось лысое белое кольцо, и он сделался похожим на монаха. А на лбу, где шляпа прилипла прямо к коже, осталось целое множество коричневых лоскутков, которые никаким количеством воды нельзя было смыть.

За завтраком Матильда сказала ему:

— Ты должен убрать эти кусочки со лба, папочка. Глядя на тебя, можно подумать, будто по тебе ползают

какие-то маленькие коричневые насекомые. Люди могут подумать, что у тебя вши.

— Замолчи! — рявкнул отец. — Захлопни свой поганый рот!

В целом эксперимент удался. Но вряд ли можно было надеяться на то, что отец чему-нибудь научился.

ПРИВИДЕНИЕ

После происшествия с Суперклеем в течение примерно недели в доме Вормвудов царило относительное спокойствие. Случившееся явно охладило пыл мистера Вормвуда, и он, похоже, на какое-то время избавился от пристрастия к хвастовству и грубому обращению.

Потом он неожиданно снова взялся за свое. Наверно, дела у него в гараже шли скверно, и ему не удалось продать столько неисправных подержанных машин, сколько хотелось. Мужчина возвращается вечером домой с работы раздраженным по многим причинам, но благоразумная жена вовремя заметит признаки бури и оставит его в покое, пока он не остынет.

Мистер Вормвуд явился тем вечером из гаража мрачнее тучи, и кто-то обязательно должен был попасться ему под руку. Его жена тотчас же сообразила, в чем дело, и постаралась скрыться из виду. Он вошел в гостиную. Матильда сидела в кресле в углу, целиком захваченная чтением. Мистер Вормвуд включил телевизор. Засветился экран. Появился громкий звук. Мистер Вормвуд бросил сердитый взгляд на Матильду. Она не шевелилась. Каким-то образом она научилась не обращать внимания на мерзкие звуки, вырывавшиеся из этого жуткого ящика. Она продолжала читать, и это почему-то вывело ее отца из себя. Возможно, гнев его усилился еще и потому, что он видел — она получает удовольствие от того, что было недоступно его пониманию.

— Ты когда-нибудь прекратишь читать? — рявкнул он на нее.

— А, привет, папочка, — любезно произнесла она. — Хорошо прошел день?

— Что за ерунду ты читаешь? — спросил он, вырывая книгу у нее из рук.

— Это не ерунда, папочка, это очень хорошая книжка. Она называется «Красный пони». Ее написал Джон Стейнбек, американский писатель. Почему бы тебе не попробовать почитать ее? Она тебе понравится.

— Мерзость, — произнес мистер Вормвуд. — Если ее написал американский писатель, то это наверняка какая-нибудь мерзость. Ничего другого они не пишут.

— Нет, папочка, это прекрасная книга, правда. В ней рассказывается о том, как...

— Знать не хочу, о чем она, — прервал ее мистер Вормвуд. — Да и сыт я по горло твоим чтением. Найди-ка себе какое-нибудь полезное занятие.

Неожиданно он принялся вырывать страницы из книги и выбрасывать их в корзину для мусора.

Матильда застыла в ужасе. Отец продолжал вырывать страницы одну за другой, а то и по нескольку сразу. Не было никакого сомнения: он испытывает что-то вроде зависти. Да как она смеет, казалось, говорил он, вырвав очередную страницу, как она смеет наслаждаться чтением книг, когда мне это недоступно? Как она смеет?

— Это же библиотечная книга! — воскликнула Матильда. — Она не моя! Мне нужно вернуть ее миссис Фелпс!

— В таком случае тебе придется купить другую! — сказал отец, продолжая вырывать страницы. — Тебе придется копить карманные деньги, пока у тебя в копилке не наберется достаточная сумма для того, чтобы ты смогла купить новую книгу для своей драгоценной миссис Фелпс. Понятно?

Любой другой ребенок на месте Матильды залился бы слезами. Но только не она. Она сидела, очень спо-

койная и бледная, и думала. Судя по всему, ей было известно, что ни слезы, ни обиды ни к чему не приведут. Единственное разумное, что можно сделать, когда вас атакуют, это, как однажды сказал Наполеон, перейти в контратаку. Необыкновенно живой ум Матильды уже был занят обдумыванием еще более подходящего наказания для гадкого родителя. Успех плана, который созрел в ее мозгу, зависел, впрочем, от того, действительно ли попугай Фреда разговаривает так хорошо, как об этом говорил Фред.

Фред был другом Матильды. Этот маленький шестилетний мальчик жил рядом, за углом, и целыми днями только и делал, что хвастался этим выдающимся попугаем, которого ему подарил отец.

На следующее утро, как только миссис Вормвуд уехала в своей машине на очередное заседание по игре в лото, Матильда отправилась в дом Фреда на разведку.

Она постучала в дверь и, войдя в дом, спросила, не будет ли Фред столь любезен, чтобы показать ей свою знаменитую птицу. Фред с радостью согласился и повел ее к себе в спальню, где в высокой клетке сидел поистине замечательный желто-голубой попугай.

— Вот он, — сказал Фред. — Его зовут Болтун.

— Пусть он поболтает, — попросила Матильда.

— Его нельзя заставить говорить, — сказал Фред. — Потерпи немного. Он заговорит, когда сам захочет.

Какое-то время они бродили по дому, и вдруг попугай произнес:

— Привет, привет, привет, — совсем как человек заговорил он.

— Здорово! А что еще он может сказать? — спросила Матильда.

— Черт побери! — сказал попугай голосом, удивительно похожим на голос привидения. — Черт побери!

— Он всегда так говорит, — сказал Фред.

— А что еще он может сказать? — спросила Матильда.

— Пока больше ничего, — ответил Фред. — Но и это неплохо, правда?

— Потрясающе, — сказала Матильда. — А ты не одолжишь мне его на одну ночь?

— Нет, — ответил Фред. — И не подумаю.

— Я отдам тебе все мои карманные деньги за следующую неделю, — сказала Матильда.

Это меняло дело. Фред обдумывал предложение несколько секунд.

— Ну ладно, — согласился он наконец. — Если обещаешь вернуть его завтра.

Взяв высокую клетку в обе руки, Матильда с трудом дотащила ее до своего пустого дома. В столовой был большой камин, в который она и принялась запихивать клетку от глаз подальше. Это было нелегко сделать, но в конце концов ей это удалось.

— Привет, привет, привет! — крикнула птица. — Привет, привет!

— Замолчи! — сказала Матильда и пошла смывать сажу с рук.

Вечером, когда Матильда, а также ее мать, отец и брат ужинали, как обычно, перед телевизором, в столовой кто-то громко и отчетливо произнес: «Привет, привет, привет!»

— Гарри! — крикнула мать, бледнея. — В доме кто-то есть! Я слышу чей-то голос!

— Я тоже, — сказал брат.

Матильда вскочила со своего места и выключила телевизор.

— Тс-с, — произнесла она. — Слышите?

— Привет, привет, привет, — снова послышался чей-то голос.

— Это снова он! — крикнул Майкл.

— Воры! — прошипела мать. — Они в столовой!

— По-моему, ты права, — сказал отец, не сдвинувшись с места.

— Так хватай же их, Гарри! — прошипела мать. — Иди и хватай их на месте преступления!

Отец не шевелился. Судя по всему, он не спешил сделаться героем. Лицо его было серого цвета.

— Иди же! — прошипела мать. — Они, наверно, пришли за серебром!

Он нервно вытер салфеткой губы.

— А почему бы нам всем вместе не посмотреть? — спросил он.

— Ладно, пошли, — сказал Майкл. — Идем, мам.

— Они точно в столовой, — прошептала Матильда. — Я уверена в этом.

Мать вынула из камина кочергу. Отец схватил биту для игры в гольф. Майкл вооружился настольной лампой, вырвав предварительно вилку из розетки. Матильда взяла нож, с помощью которого она ела, и все четверо крадучись направились в столовую, при этом отец держался далеко позади остальных.

— Привет, привет, привет, — снова послышался чей-то голос.

— Стоять! — закричала Матильда, врываясь в комнату и размахивая ножом. — Руки вверх! — крикнула она. — Вы пойманы!

За ней, размахивая своими орудиями, вбежали все остальные. Остановившись, они огляделись. В комнате никого не было.

— Здесь никого нет, — произнес отец с большим облегчением.

— Я хорошо слышала, Гарри! — вскричала мать, продолжая дрожать. — Я отчетливо слышала чей-то голос. Да и ты тоже!

— И я слышала! — сказала Матильда. — Вор где-то здесь!

Они принялись искать за диваном и за занавесками.

И тут снова — точно с того света — послышался чей-то голос.

— Черт побери. Черт побери.

Все вздрогнули, включая Матильду, которая была хорошей артисткой. Оглядевшись, они убедились, что в комнате по-прежнему никого не было.

— Это привидение, — сказала Матильда.

— О Господи, помоги нам! — воскликнула мать, обвиняя мужа за шею.

— Я уверена, что это привидение, — сказала Матильда. — Я его и раньше слышала! В этой комнате живет привидение! Я думала, вы знали об этом!

— Спасите! — закричала мать, чуть не задушив своего мужа.

— Я ухожу отсюда, — сказал отец, еще более поседев лицом. Они выбежали из комнаты, хлопнув за собой дверь.

На следующий день Матильде удалось вынуть покрытого сажей и довольно сердитого попугая из камина, а потом незаметно вынести его из дома. Она вышла с ним через заднюю дверь и бежала всю дорогу до дома Фреда.

— Он хорошо себя вел? — спросил у нее Фред.

— Мы с ним отлично повеселились, — ответила Матильда. — Мои родители от него без ума.

АРИФМЕТИКА

Матильде ужасно хотелось, чтобы у нее были хорошие, любящие, понимающие, честные и умные родители. Но ей ничего другого не оставалось, как смириться с тем, что они такими не были.

Мириться с этим было нелегко. Но новые забавы, которые она изобретала для наказания того или другого родителя, когда они поступали гадко по отношению к ней, делали ее жизнь более или менее терпимой.

Поскольку она была очень маленькой и ростом, и возрастом, то единственным преимуществом, которым Матильда обладала по сравнению с другими членами семьи, было ее умственное превосходство. Используя только ум, она могла связать их обоих по рукам и ногам. Но пятилетней девочке все равно приходится делать то, что ей говорят, какими бы бестолковыми ни были указания. Так, она всегда должна была ужинать из походной миски, сидя перед этим дурацким ящиком. Целые дни она проводила в одиночестве, и когда ей говорили, чтобы она заткнулась, она вынуждена была молчать.

Отдушину — то есть, то, что не позволяло ей склонить голову, — она находила в том, что изобретала и выдумывала замечательные наказания, а самое замечательное было то, что они, видимо, действовали — во всяком случае, на короткое время. В частности, отец, приняв чудесное лекарство Матильды, в течение нескольких дней был менее заносчив и не столь невыносим.

Проделка с попугаем в камине сильно умерила пыл обоих родителей, и они больше недели вели себя более или менее вежливо по отношению к своей маленькой дочери. Но увы, долго это продолжаться не могло.

Как-то вечером ситуация в очередной раз обострилась. Возвратившись с работы, мистер Вормвуд проше-

ствовал в гостиную. Матильда с братом тихо сидели на диване, ожидая, когда мама принесет им ужин в походных мисках. Телевизор еще не был включен.

Мистер Вормвуд был в ярком клетчатом пиджаке и в желтом галстуке. Пиджак и брюки в крупную оранжево-зеленую клетку были ослепительны. Он напоминал второразрядного букмекера, вырядившегося на свадьбу дочери. В этот вечер отец явно был доволен собой. Он уселся в кресло и, потирая руки, громко обратился к своему сыну:

— Значит, так, мой мальчик, — сказал он, — у твоего отца сегодня был необыкновенно удачный день. К вечеру он стал гораздо богаче, чем был утром. Он продал никак не меньше пяти машин, притом каждую с приличной выгодой. Опилки в двигатель, электродрель подключить к спидометру, нанести несколько мазков краски, и эти дураки из кожи вон лезут, чтобы только купить мою развалюху машину.

Он выудил из кармана клочок бумаги и принялся изучать его.

— Послушай, мальчик, — сказал он сыну, не обращая внимания на Матильду, — поскольку когда-то ты тоже войдешь в дело, то тебе следует знать, как подсчитывается прибыль, которую ты будешь зарабатывать каждый день. Принеси-ка блокнот и карандаш, и посмотрим, насколько ты умен.

Сын послушно вышел из комнаты и возвратился с принадлежностями для письма.

— Запиши следующие цифры, — сказал отец, взглянув в клочок бумаги. — Машину номер один я купил за двести семьдесят восемь фунтов, а продал за тысячу четыреста двадцать пять. Записал?

Десятилетний мальчик медленно и аккуратно записал обе суммы.

— Машина номер два, — продолжал отец, — обошлась мне в сто восемнадцать фунтов, а продана за семьсот шестьдесят. Записал?

— Да, папа, — сказал сын. — Записал.

— Машина номер три стоила сто одиннадцать фунтов, а продана за девятьсот девяносто девять фунтов пятьдесят пенсов.

— Повтори еще раз, — сказал мальчик. — За сколько она продана?

— За девятьсот девяносто девять фунтов пятьдесят пенсов, — сказал отец. — А это, между прочим, еще один из моих ловких приемов. Я частенько таким образом надуваю клиента. Никогда не запрашивай большую круглую цифру. Всегда проси чуть поменьше. Никогда не говори «тысяча фунтов». Всегда говори «девятьсот девя-

носто девять пятьдесят». Кажется намного меньше, но на самом деле это не так. Толково, а?

— Очень, — ответил мальчик. — Ты гений, папа.

— Машина номер четыре стоила восемьдесят шесть фунтов — просто развалина была, — а продана за шестьсот девяносто девять пятьдесят.

— Не так быстро, — сказал сын, записывая цифры. — Так. Записал.

— Машина номер пять стоила шестьсот тридцать семь фунтов, а продана за тысячу шестьсот сорок девять пятьдесят. Все цифры записал, сынок?

— Да, папочка, — ответил сын.

— Очень хорошо, — сказал отец. — Теперь подсчитай прибыль, которую я сделал на каждой машине, и сложи все вместе. После этого ты сможешь мне сказать, сколько всего заработал сегодня твой умный папа.

— Тут надо много считать, — сказал мальчик.

— Еще бы, — согласился отец. — Но когда затеваешь большое дело, вроде моего, нужно быть мастаком по части арифметики. Вообще-то у меня голова что компьютер. Я меньше чем за десять минут подсчитал все это.

— Ты хочешь сказать, что сосчитал все это в голове, папа? — вытаращил глаза сын.

— Не совсем так, — ответил отец. — Это никому не под силу. Но у меня много времени на это не ушло. Когда закончишь подсчет, скажи, какова, по-твоему, у меня сегодня прибыль. Я тут записал общую сумму, так что скажу тебе, прав ты или нет.

— Папа, ты заработал ровно четыре тысячи триста три фунта и пятьдесят пенсов, — тихо произнесла Матильда.

— Не встревай, — бросил отец. — Мы с твоим братом заняты финансовыми вопросами.

— Но, папа...

— Помолчи, — сказал отец. — Не пытайся угадать, чтобы показаться умной.

— Посмотри в свои записи, — мягко настаивала Матильда. — Если ты правильно подсчитал, то должно быть четыре тысячи триста три фунта и пятьдесят пенсов. У тебя такая сумма записана?

Отец заглянул в свою бумажку. Неожиданно он весь напрягся и умолк. Наступила тишина.

— Повтори еще раз, — произнес он спустя какое-то время.

— Четыре тысячи триста три фунта пятьдесят, — отозвалась Матильда.

Опять наступила тишина. Отец густо покраснел.

— Я уверена, что это так, — сказала Матильда.

— Ты... маленькая мошенница! — неожиданно закричал отец, тыча в нее пальцем. — Ты заглянула в бумажку! Ты видела, что у меня тут записано!

— Папочка, но я ведь в другом конце комнаты, — сказала Матильда, — как же я могла подглядеть?

— Рассказывай! — кричал отец. — Конечно же, подсмотрела. Никто на свете не мог бы назвать с ходу правильный ответ, а уж тем более девчонка! Ты маленькая

мошенница, мадемуазель, вот ты кто! Мошенница и обманщица!

В этот момент вошла мать с большим подносом, на котором стояли четыре тарелки. На сей раз это была рыба с жареной картошкой, которую миссис Вормвуд купила в магазине полуфабрикатов, возвращаясь домой после игры в лото. Казалось, часы, проведенные за лото, так изматывали ее физически и душевно, что у нее не оставалось сил на то, чтобы готовить по вечерам ужин. Поэтому она всегда покупала что-то либо готовое, либо полуготовое.

— А что это ты так лицом покраснел, Гарри? — спросила она, ставя поднос на кофейный столик.

— Твоя дочь мошенница и обманщица, — ответил отец, беря тарелку и ставя ее себе на колени. — Включи-ка телевизор, и пусть все заткнутся.

ПЛАТИНОВЫЙ БЛОНДИН

Матильда нисколько не сомневалась в том, что последнее проявление грубости со стороны отца заслуживает серьезного наказания. Отвернувшись от телевизора, она ела эту ужасную рыбу с жареной картошкой, но мозг ее при этом обдумывал всякого рода варианты. К тому времени, когда она отправилась спать, решение было принято.

На следующее утро, поднявшись пораньше, она прошла в ванную и заперла за собой дверь. Как мы уже знаем, волосы миссис Вормвуд были выкрашены в блестящий платиновый цвет — костюм примерно такого же сверкающего серебристого цвета надевают канатоходцы в цирке. Волосы она красила дважды в год в парикмахерской, а в промежутках между этими событиями, примерно раз в месяц, миссис Вормвуд освежала краску, споласкивая волосы в тазу, в который наливалось нечто под названием «Краска для волос, платиновый цвет, сверхпрочная». Этот состав использовался также для того, чтобы подкрашивать мерзкие коричневые корни, которые упорно вылезали из-под кожи. Флакончик с «Краской для волос, платинового цвета, сверхпрочной» хранился в шкафчике. На той же этикетке имелась надпись: «Обращаться осторожно. Перекись. Берегите от детей». Матильда множество раз с восхищением перечитывала эти слова.

У отца Матильды была красивая копна черных волос, которую он расчесывал на пробор и которой чрезвычайно гордился.

— Хорошие здоровые волосы, — любил повторять он, — это хороший здоровый мозг под ними.

— Как у Шекспира? — спросила его как-то Матильда.

— У кого?

- У Шекспира, папочка.
- А он мозговитый был?
- Очень, папочка.
- И у него было много волос?
- Он был лысым, папочка.
- Не можешь по-человечески разговаривать, лучше помолчи, — рывкнул на нее отец.

Как бы там ни было, мистер Вормвуд следил за тем, чтобы его волосы выглядели блестящими и здоровыми, хотя, может, ему только казалось, что они так выглядят. Каждое утро он втирал большие порции лосьона под названием «Фиалковое масло. Тоник для волос». Флакончик с этим пахучим средством всегда стоял в ванной на полке над умывальником рядом с зубными щетками, и ежедневно, по окончании бритья, начинался яростный массаж скальпа с помощью «Фиалкового масла». Массаж этот всегда сопровождался громким ворчанием, которое умеют издавать только мужчины, тяжелым дыханием и сдавленными возгласами: «А-а-а, так-то лучше! То, что надо! До самых корней!» — которые Матильда отчетливо слышала в своей спальне, находившейся в другом конце коридора.

Закрывшись тем утром в ванной, Матильда открутила колпачок отцовского «Фиалкового масла» и слила три четверти содержимого в раковину. Затем она наполнила флакончик «Краской для волос, платинового цвета, сверхпрочной», принадлежавшей ее матери. Она предусмотрительно оставила достаточное количество отцовского тоника для волос во флакончике, так что когда она хорошенько встряхнула его, смесь казалась вполне фиолетовой. После этого она поставила флакончик на полку над раковиной, не забыв при этом убрать флакончик матери в шкаф. Пока все шло по плану.

Во время завтрака Матильда тихо сидела за столом в столовой и ела кукурузные хлопья. Ее брат сидел напротив, спиной к двери, поглощая ломти хлеба, намазанного ореховым маслом и клубничным джемом. Матери

не было видно; она находилась рядом, за углом, на кухне, готовя завтрак мистеру Вормвуду, — обычно он состоял из яичницы из двух яиц на кусочке жареного хлеба, трех сосисок, трех кусочков бекона и нескольких жареных помидоров.

В этот момент в комнату шумно вошел мистер Вормвуд. Тихо входить он не умел, особенно во время завтрака. Он хотел, чтобы его появление тотчас же чувствовалось, и потому шумел и стучал. Казалось, он при этом говорил: «Это я! Я вошел, собственной персоной, хозяин дома, зарабатыватель денег, тот самый, кто дает вам возможность жить так хорошо! Обратите на меня внимание и отнеситесь ко мне с уважением!»

Он большими шагами вошел в комнату, похлопал сына по спине и громко заговорил:

— Так-так, мой мальчик, у твоего отца такое чувство, что и сегодня его ждет великий день в гараже, что он заработает кучу денег! У меня там есть несколько красавиц, которых я сегодня с утра загоню каким-нибудь болванам. Где мой завтрак?

— Уже готов, мое сокровище, — крикнула миссис Вормвуд с кухни.

Матильда низко склонилась над тарелкой с кукурузными хлопьями. Поднять глаза она не осмеливалась. Во-первых, она знала, что может увидеть. А во-вторых, если бы увидела то, что надеялась увидеть, то не была уверена в том, что лицо ее не выдаст. Майкл смотрел в окно, запихивая в себя новые куски хлеба с ореховым маслом и клубничным джемом.

В тот момент, когда отец заходил с другой стороны стола, чтобы усесться во главе его, из кухни примчалась мать с огромной тарелкой, доверху наполненной яйцами, сосисками, беконом и помидорами. Увидев своего мужа, она издала крик, вместе с которым, казалось, и сама едва не взлетела в воздух. Тарелка грохнулась на пол, а ее содержимое разлетелось в разные стороны. Все вздрогнули, включая мистера Вормвуда.

— Что это с тобой, женщина? — закричал он. — Посмотри, что ты натворила!

— Твои волосы! — завопила она, указывая дрожащим пальцем на своего мужа. — Посмотри на свои волосы! Что ты сделал со своими волосами?

— А чем тебе не нравятся мои волосы? — удивился он.

— Господи, папочка, что ты сделал со своими волосами? — громким голосом спросил сын.

В столовой нарастало оживление.

Матильда между тем молчала. Она просто сидела, восхищаясь тем замечательным эффектом, который произвела ее работа. Пышная шевелюра мистера Вормвуда приобрела грязно-серебристый оттенок — такого цвета бывает костюм канатоходки, который не стирался в продолжение всего циркового сезона.

— Ты... ты... да ты выкрасил их! — визжала миссис Вормвуд. — Зачем ты это сделал, ты, дубиноголовый! Это просто жуть! Кошмар! Ты же сделал из себя пошмище!

— Что вы такое, черт побери, несете? — вскричал отец, дотрагиваясь до своих волос. — Что значит выкрасил? Что с ними сделалось? Что за глупые шутки?

Лицо его становилось бледно-зеленым, цвета кислых яблок.

— Похоже, ты их и правда выкрасил, папа, — сказал Майкл. — Они такого же цвета, что и мамыны, только погрязнее.

— Ну конечно, он их выкрасил! — вскричала мать. — Не могли же они сами по себе изменить цвет! Что это ты, интересно, задумал? Хочешь быть красивым? Да ты похож на старуху, выжившую из ума!

— Дай мне зеркало! — закричал отец. — И не кричи! Зеркало давай!

Мамина сумочка лежала на стуле в другом конце комнаты. Она вынула из нее пудреницу, на внутренней стороне крышки которой было маленькое круглое зеркальце. Раскрыв пудреницу, она протянула ее мужу. Тот схватил пудреницу и поднес к своему лицу, высыпав почти всю пудру на свой замечательный твидовый пиджак.

— Осторожнее! — закричала мать. — Посмотри, что ты наделал! Это же моя лучшая пудра!

— О Боже милостивый! — завопил отец, глядя в маленькое зеркальце. — Что это со мной? Какой ужас! Я не могу идти в гараж в таком виде и продавать машины! Как же это случилось? — Он огляделся, задержавшись взглядом на жене, потом на сыне, потом на Матильде. — Как же такое могло произойти? — кричал он.

— Думаю, папочка, — тихо произнесла Матильда, — что ты случайно взял с полки мамин флакончик с краской для волос.

— Ну конечно! — вскричала мать. — Как же так можно, Гарри! Какая беспечность! Ведь моя краска страшно концентрированная. Мне хватает одной столовой ложки на таз воды, а ты весь флакон вылил на голову! Теперь у тебя, наверно, волосы выпадут! Кожа на голове еще не горит, дорогой?

— Ты хочешь сказать, что я потеряю свои волосы? — закричал муж.

— Боюсь, что да, — ответила мать. — Перекись — очень сильное химическое вещество. С его помощью дезинфицируют унитазы, только в этом случае оно называется как-то иначе.

— Что такое ты несешь? — вскричал муж. — Я не унитаз! Я не желаю, чтобы меня дезинфицировали!

— Я ее всегда разбавляю, — сказала его жена, — но все равно у меня выпадает много волос, поэтому Бог его знает, что с тобой будет. Меня удивляет, что ты сразу не облысел!

— Что же мне делать? — застонал отец — Быстрее говори, что делать, прежде чем они не начали выпадать.

— Я бы хорошенько вымыла голову с мылом, папа, — сказала Матильда. — Но поторопись.

— А они снова станут того цвета, что и были? — с тревогой спросил отец.

— Конечно, нет! — ответила его жена.

— Тогда что же мне делать? Не могу же я таким ходить.

— Нужно выкрасить их в черный цвет, — сказала миссис Вормвуд. — Но сначала вымой голову, иначе нечего будет красить.

— Правильно, — вскричал отец, решившись действовать. — Сейчас же договорись со своим парикмахером, чтобы он принял меня на покраску волос. Скажи — экстренный случай! Они должны принять меня без очереди! Я пошел мыть голову!

С этими словами он выскочил из комнаты, а миссис Вормвуд, глубоко вздохнув, направилась к телефону, чтобы позвонить в парикмахерскую.

— Иногда он делает такие глупости, правда, мамочка? — сказала Матильда.

— Боюсь, мужчины не всегда поступают умно, хотя сами они так не считают, — ответила мать, набирая номер телефона. — Ты это узнаешь, когда немного повзрослеешь, моя девочка.

МИСС ХАНИ

Матильда чуточку поздно пошла в школу. Большинство детей начинают учиться с пяти лет или даже немножко раньше, но родители Матильды, которых не очень-то заботило образование дочери, позабыли о том, чтобы подготовить ее заранее. Ей было пять с половиной лет, когда она в первый раз вошла в школу.

Школа для детей младшего возраста размещалась в мрачном здании под названием Кранчем-холл. В ней училось около двухсот пятидесяти учеников от пяти до двенадцати лет. Главным учителем, начальником и верховным командующим этого учебного заведения была грозная дама средних лет, которую звали мисс Транчбуль.

Матильду, естественно, определили в низший класс, в котором было восемнадцать других маленьких мальчиков и девочек того же возраста. Их учительницу звали мисс Хани. Ей было никак не больше двадцати трех или двадцати четырех лет. У нее было красивое бледное овальное, как у Мадонны, лицо, глаза голубые, а волосы светлые. Она была такая тонкая и хрупкая, что казалось, стоит ей упасть, как она разобьется на тысячу осколков, точно фарфоровая статуэтка.

Мисс Дженифер Хани была человеком тихим и спокойным. Она никогда не поднимала голос, ее редко видели улыбающейся, но, вне всякого сомнения, она обладала редким даром быть обожаемой маленькими детьми, которых верили ее попечению. Наверно, она понимала, какое смущение и страх овладевает детишками, которых в первый раз в жизни собирают в классе и которым говорят, что они должны делать то, что им велят. Лицо мисс Хани излучало почти осязаемую теплоту, когда она обращалась к смущенному новичку, помышляющему только об одном — как бы скорее вернуться домой.

Мисс Транчбуль, директриса, представляла собой нечто прямо противоположное. Она всем внушала ужас. Это было властное чудовище, наводившее страх как на учеников, так и на их родителей. От нее исходила угроза, даже когда она находилась на расстоянии, а стоило ей приблизиться, и можно было почти физически ощутить, как она, точно раскаленный железный прут, излучает опасный жар. Когда она шагала — мисс Транчбуль никогда не шла, она всегда шагала, как солдат, широким шагом, размахивая руками, — когда она шагала по коридору, можно было услышать, как она пыхтит, а если на пути ей попадались дети, она проходила сквозь них, как танк, и маленькие человечки разлетались в разные стороны.

Слава Богу, таких, как она, мы встречаем нечасто, но все же такое бывает, и любому из нас хотя бы раз в жизни приходится сталкиваться с подобным человеком. Если и с вами такое случится, то нужно вести себя так, как если бы вы встретились в лесу с расщипавшим носорогом, — залезайте на дерево и оставайтесь там, пока он не пройдет мимо.

Описать эту женщину со всеми ее чудачествами и во всей ее красе почти невозможно, но чуть позднее я все же попытаюсь сделать это. А пока оставим ее ненадолго и вернемся к Матильде и ее первому дню в классе мисс Хани.

После обычной для начала занятий перекички мисс Хани вручила каждому ученику чистую тетрадку.

— Надеюсь, у всех есть карандаши, — сказала она.

— Да, мисс Хани, — хором ответили дети.

— Хорошо. Итак, для каждого из вас это первый день в школе. Сегодня начинается первый год ваших занятий, которые обязательны для всех, а всего вам предстоит учиться по меньшей мере одиннадцать лет. И шесть из них вы проведете здесь, в Кранчем-холле, где, как вы знаете, вашим директором будет мисс Транчбуль. Позвольте мне для вашей же пользы сказать вам несколько слов о мисс Транчбуль. Она требует в школе жесткой дисциплины, и если вы послушаетесь моего

совета, то постараетесь изо всех сил вести себя хорошо в ее присутствии. Никогда не перечьте ей. Никогда ей не грубите. Всегда делайте то, что она скажет. А если вы не поладите с мисс Транчбуль, она не станет с вами церемониться и избавится от вас, как от гнилой морковки. В этом ничего нет смешного, Лэвиндер. Перестань улыбаться. Вы будете умницами, если запомните, что мисс Транчбуль обходится очень, очень строго с теми, кто отличается плохим поведением в школе. Это всем ясно?

— Да, мисс Хани, — прошебетали восемнадцать нетерпеливых голосов.

— Что касается меня, — продолжала мисс Хани, — то я бы хотела, чтобы вы как можно больше узнали, пока я буду вашей учительницей. Я знаю, что потом вам будет легче. Например, я надеюсь, что к концу этой недели вы все научитесь умножать цифры на два. А через год, думаю, вы сможете умножать цифры на двенадцать. Вам это очень пригодится, когда научитесь. А теперь ска-

жите, нет ли среди вас кого-нибудь, кто умеет умножать цифры на два?

Матильда подняла руку. Она была единственной, кто умел это делать.

Мисс Хани внимательно посмотрела на крошечную девочку с темными волосами и круглым серьезным лицом, сидевшую во втором ряду.

— Хорошо, — сказала она. — Пожалуйста, встань и посчитай, сколько сможешь.

Матильда поднялась и начала умножать на два разные числа. Сказав, что дважды двенадцать будет двадцать четыре, она на этом не остановилась. Дальше она говорила, что дважды тринадцать будет двадцать шесть, дважды четырнадцать — двадцать восемь, дважды пятнадцать — тридцать, дважды шестнадцать...

— Достаточно, — сказала мисс Хани. Она с некоторым недоумением выслушала это сольное выступление. — И как долго ты можешь продолжать? — спросила она.

— Как долго? — переспросила Матильда. — Я не знаю, мисс Хани. Думаю, довольно долго.

Мисс Хани не сразу осознала смысл этого необыкновенного заявления.

— То есть, — спросила она, — ты можешь мне сказать, сколько будет дважды двадцать восемь?

— Да, мисс Хани.

— И сколько же?

— Пятьдесят шесть, мисс Хани.

— Ну, а если мы возьмем что-нибудь посложнее, например, четыреста восемьдесят семь умножить на два. Сможешь ответить, сколько это будет?

— Думаю, что да, — сказала Матильда.

— Ты уверена?

— Ну да, мисс Хани, совершенно уверена.

— Так сколько же будет, если четыреста восемьдесят семь умножить на два?

— Девятьсот семьдесят четыре, — не задумываясь ответила Матильда. Она отвечала спокойно и вежливо, вовсе не пытаясь красоваться.

Мисс Хани смотрела на Матильду в полном изумлении, однако голос ее звучал ровно, когда она снова обратилась к девочке.

— Это просто замечательно, — сказала она. — Но, конечно же, умножать на два гораздо легче, чем иметь дело с большими числами. А ты умеешь перемножать большие числа?

— Думаю, да, мисс Хани. Мне кажется, умею.

— Ты этого точно не знаешь?

— Я... я не понимаю, — сказала Матильда. — Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Вот о чем. Умеешь ли ты, например, умножать цифры на три?

— Да, мисс Хани.

— А на четыре?

— Да, мисс Хани.

— Ну, а на двенадцать тоже умеешь?

— Да, мисс Хани.

— И сколько будет двенадцатью семь?

— Восемьдесят четыре, — ответила Матильда.

Мисс Хани молча откинулась на стуле. Она была просто потрясена этим диалогом, но чувства свои старалась не обнаруживать. Ей никогда еще не приходилось встре-

чать ученика или ученицу не то что пяти, но даже десяти лет, которые бы с такой легкостью производили умножения.

— Надеюсь, все остальные слушали нас, — обратилась она к классу. — Матильда очень счастливая девочка. У нее замечательные родители, которые научили ее умножению. Тебя этому мама научила, Матильда?

— Нет, мисс Хани.

— Значит, у тебя очень умный папа. Наверно, он прекрасный учитель.

— Нет, мисс Хани, — тихо ответила Матильда. — Мой папа не учил меня.

— Ты хочешь сказать, что сама всему этому выучилась?

— Я не знаю, — искренне призналась Матильда. — Просто мне кажется, что умножать одни числа на другие совсем нетрудно.

Мисс Хани набрала полную грудь воздуха и медленно выпустила его. Она еще внимательнее посмотрела на эту умную и серьезную маленькую девочку с блестящими глазами, стоявшую за партой.

— Значит, по-твоему, умножить одно число на другое нетрудно, — сказала мисс Хани. — Расскажи нам об этом поподробнее.

— Я не знаю, о чем рассказывать, — вздохнула Матильда.

Мисс Хани ждала. Все в классе молча слушали.

— Ну например, — сказала мисс Хани, — если бы я попросила тебя умножить четырнадцать на девятнадцать... Нет, это очень сложно...

— Двести шестьдесят шесть, — тихо произнесла Матильда.

Мисс Хани во все глаза смотрела на нее. Потом взяла карандаш и быстро подсчитала ответ на листке бумаге.

— Сколько, ты сказала? — спросила она, посмотрев на Матильду.

— Двести шестьдесят шесть, — повторила девочка.

Мисс Хани положила карандаш, сняла очки и принялась протирать их кусочком материи. Все сидели тихо, глядя на нее и ожидая, что будет дальше. Матильда по-прежнему стояла за партой.

— Вот что, Матильда, — обратилась к ней мисс Хани, продолжая протирать очки, — попытайся описать в точности, что происходит в твоей голове, когда тебе приходится производить умножения. Это ведь нелегко, однако ты, похоже, без промедления находишь верный ответ. Вот, скажем, этот последний пример — четырнадцать умножить на девятнадцать.

— Я... я... я просто умножаю в голове четырнадцать на девятнадцать, и все, — сказала Матильда. — Я не знаю, как вам объяснить. Я всегда говорила себе — если какой-то карманный калькулятор способен на это, то почему это не могу сделать я?

— И правда, почему? — согласилась мисс Хани. — Человеческий мозг — удивительная вещь.

— По-моему, его и не сравнить с какой-то там механической штучкой, — сказала Матильда. — Калькулятор — это просто железяка.

— Ты совершенно права, — сказала мисс Хани. — К тому же в нашей школе нельзя пользоваться калькуляторами.

Мисс Хани ощущала какой-то трепет. У нее не было никакого сомнения, что у этой девочки большие способности к математике, и в голове у нее промелькнули слова «гениальный ребенок» и «вундеркинд». Она знала, что такого рода чудеса случаются в мире время от времени, но только раз или два в столетие. Например, Моцарту было только пять лет, когда он начал сочинять композиции для фортепиано, и посмотрите, чем это кончилось.

— Это нечестно, — заявила Лэвиндер. — Почему она может это делать, а мы нет?

— Не волнуйся, Лэвиндер, скоро ты ее догонишь, — сказала мисс Хани. Но это была явная ложь.

Мисс Хани не могла не поддаться искушению подвергнуть удивительного ребенка еще одному испытанию. Конечно же, ей следовало бы уделить внимание и остальным, но она не могла сдержаться.

— Что ж, — сказала она, делая вид, что обращается ко всему классу, — оставим пока умножение и посмотрим, умеет ли кто-нибудь из вас произносить слова по буквам. Поднимите руки, кто может назвать по буквам слово «кот».

Поднялись три руки. Их подняли Лэвиндер, маленький мальчик по имени Найджел и Матильда.

— Произнеси по буквам слово «кот», Найджел.
Найджел сделал то, о чем его просили.

Теперь мисс Хани решила задать вопрос, который она и не подумала бы задавать классу, собравшемуся в первый раз.

— Интересно, — сказала она, — из вас троих, которые знают, как произносить по буквам слово «кот», может ли кто-нибудь прочитать несколько слов, составленных в одно предложение?

— Я, — сказал Найджел.

— И я, — сказала Лэвиндер.

Мисс Хани подошла к доске и написала мелом: «Я умею читать длинные предложения». Она специально дала трудное задание, и она знала, что мало кто из этих пятилеток справится с ним.

— Можешь ли ты мне сказать, что тут написано, Найджел? — спросила она.

— Это очень трудно, — ответил Найджел.

— Лэвиндер?

— Первое слово значит «я», — сказала Лэвиндер.

— А может ли кто-нибудь из вас прочитать все предложение? — спросила мисс Хани, ожидая услышать слово «да», которое, она была уверена, произнесет Матильда.

— Да, — произнесла Матильда.

— Читай, — сказала мисс Хани.

Матильда прочитала предложение без запинки.

— Очень хорошо, очень, — сказала мисс Хани, впервые в жизни недооценив знания ученика. — Значит, ты и читать умеешь, Матильда?

— Да, я думаю, что могу почти все прочесть, мисс Хани, — сказала Матильда, — хотя я не всегда понимаю, о чем идет речь.

Мисс Хани встала и быстро вышла из класса и через полминуты вернулась с толстой книгой в руках. Открыв ее наугад, она положила книгу на парту Матильды.

— Это стихи, — сказала она. — Посмотрим, сможешь ли ты прочитать вслух вот это.

Не задумываясь, Матильда стала гладко, не торопясь, читать стихотворение про эпикурейца, который обнаружил в своей тарелке большую мышь. Увидев это, официант громко сказал ему: «Не показывайте ее никому, а то и другим тоже захочется».

Некоторые дети поняли смысл стихотворения и рассмеялись.

— Ты знаешь, кто такой «эпикуреец», Матильда? — спросила мисс Хани.

— Тот, кто любит вкусно поесть, — ответила Матильда.

— Правильно, — сказала мисс Хани. — А не знаешь ли ты, как называются такие стихотворения?

— Они называются шуточными, — ответила Матильда. — Это очень хорошее. Оно такое смешное.

— И к тому же известное, — сказала мисс Хани, беря книгу и возвращаясь к своему столу. — Остроумное

шуточное стихотворение очень трудно написать, — прибавила она. — Они кажутся простыми, но, конечно, это не так.

— Я знаю, — сказала Матильда. — Я несколько раз пробовала написать шуточное стихотворение, но у меня никогда хорошо не получалось.

— Вот как? — спросила мисс Хани, изумляясь еще более. — Знаешь, Матильда, я бы очень хотела послушать какое-нибудь твое шуточное стихотворение. Можешь вспомнить хотя бы одно?

— Видите ли, — неуверенно произнесла Матильда. — Вообще-то, пока мы тут сидели, я пробовала сочинить стихотворение про вас, мисс Хани.

— Про меня! — воскликнула мисс Хани. — Ну уж его-то мы обязательно должны услышать, не так ли?

— Что-то мне не хочется читать его, мисс Хани.

— Пожалуйста, прочитай, — настаивала мисс Хани. — Обещаю тебе, я не буду сердиться.

— Наверно, будете, мисс Хани, потому что мне пришлось назвать вас по имени, чтобы была рифма, и поэтому я не хочу читать его.

— Откуда тебе известно мое имя? — спросила мисс Хани.

— Я слышала, как другая учительница окликнула вас, когда вы заходили в класс, — сказала Матильда. — Она назвала вас Дженни.

— Я настаиваю на том, чтобы ты прочитала это стихотворение, — сказала мисс Хани, улыбаясь, что редко с ней случалось. — Встань и читай.

Матильда неохотно поднялась и очень медленно, волнуясь, прочитала стихотворение о молодой женщине по имени Дженни, которая была такая симпатичная, что не заметить этого было невозможно.

Доброе лицо мисс Хани, бывшее до этого бледным, залилось краской. Она снова улыбнулась; это была улыбка, выражающая истинное удовольствие.

— Ну что ж, спасибо тебе, Матильда, — сказала она, продолжая улыбаться. — Хотя я с тобой и не согласна, но стихотворение действительно очень хорошее. Я должна обязательно его запомнить.

— Хорошее стихотворение. Мне понравилось, — сказала Лэвиндер, сидевшая за партой в третьем ряду.

— И в нем все верно, — сказал маленький мальчик, которого звали Руперт.

— И я так думаю, — подтвердил Найджел.

Весь класс уже проникся симпатией к мисс Хани, хотя внимание в основном она до сих пор уделяла только Матильде.

— Кто научил тебя читать, Матильда? — спросила мисс Хани.

— Я вроде как сама научилась, мисс Хани.

— А ты читала какие-нибудь книги, я имею в виду для детей?

— Я прочитала все детские книги, какие есть в библиотеке, мисс Хани.

— И тебе все прочитанное понравилось?

— Некоторые книги очень, — ответила Матильда, — но некоторые показались мне довольно скучными.

— Скажи, какая книга тебе понравилась.

— «Лев, колдунья и шкаф», — ответила Матильда. — По-моему, мистер Льюис очень хороший писатель. Но у него один недостаток. В его книгах нет ничего смешного.

— В этом ты права, — согласилась мисс Хани.

— Да и у мистера Толкиена не очень-то много смешного, — сказала Матильда.

— А по-твоему, детские книги обязательно должны быть смешными? — спросила мисс Хани.

— Да, — сказала Матильда. — Дети не такие серьезные, как взрослые, и они любят смеяться.

Мисс Хани была изумлена разумностью этой крошечной девочки.

— А что ты теперь будешь читать, после того, как прочитала все детские книги? — спросила она у Матильды.

— Я читаю другие, — ответила Матильда. — Я беру их в библиотеке. Мисс Фелпс очень добра ко мне. Она помогает мне выбирать книги.

Подавшись вперед, мисс Хани в изумлении смотрела на ребенка. Она совершенно позабыла о том, что в классе есть и другие дети.

— И какие же это книги? — пробормотала она.

— Мне очень нравится Чарльз Диккенс, — сказала Матильда. — Он меня заставляет много смеяться. Особенно мистер Пиквик.

В этот момент прозвенел звонок, известивший об окончании урока.

ТРАНЧБУЛЬ

Мисс Хани вышла из класса и направилась прямо в кабинет директрисы. Она была очень взволнована, ведь у нее в классе оказалась девочка совершенно необычайных способностей. У нее еще не было времени убедиться в том, насколько талантлива эта девочка, но мисс Хани узнала достаточно для того, чтобы сделать вывод — что-то нужно предпринимать, и как можно скорее. Нелепо оставлять такого ребенка учиться в первом классе.

Мисс Хани испытывала страх перед директрисой и обычно старалась держаться от нее подальше, но в ту минуту она была готова встретиться с кем угодно. Она постучала в дверь ненавистного кабинета.

— Войдите! — прогудел низкий голос мисс Транчбуль, внушавший всем страх.

Мисс Хани вошла.

Директором обычно становится тот учитель, который обладает рядом замечательных качеств. Он должен понимать учеников и принимать близко к сердцу их интересы. Он должен быть доброжелателен, справедлив и глубоко заинтересован в том, чтобы дети получили образование. Мисс Транчбуль не обладала ни одним из этих качеств, и оставалось тайной, как она получила эту должность.

Помимо всего прочего, она и женщиной была ужасной. Когда-то она была знаменитой спортсменкой, и глядя на нее, можно было без труда убедиться в этом. У нее была бычья шея, широкие плечи, мускулистые руки и ноги. Она могла согнуть железный прут и разорвать пополам телефонную книгу. Лицо ее не было ни красивым, ни располагающим к тому, чтобы его с удовольствием рассматривать. У нее был квадратный подбородок, губы всегда плотно сжаты, а маленькие глазки излучали высокомерие. Одевалась же она...

Одевалась она, мягко говоря, необыкновенно странно. На ней всегда была коричневая хлопчатобумажная

куртка, которую она подпоясывала широким кожаным ремнем. Ремень застегивался на огромную серебряную пряжку. Из-под куртки выступали мощные бедра, заключенные в необычные бриджи из грубой саржи бутылочного цвета. Эти бриджи опускались чуть ниже колена, а дальше она выставляла напоказ зеленые чулки, сквозь которые можно было без помех разглядеть ее икры. На ногах она носила грубые башмаки на плоской подошве и с кожаными ремешками. Короче, она скорее была похожа на вырядившегося в нелепый костюм кровожадного охотника, идущего по следу шотландской борзой, чем на директора приличной школы.

Когда мисс Хани вошла в кабинет, мисс Транчбуль стояла возле огромного письменного стола. Лицо ее выражало нетерпение.

— Да, мисс Хани, — сказала она. — Что вам угодно? Что-то вы сегодня раскраснелись и выглядите взволнованной. Что с вами? Наверно, эти маленькие вонючки стреляли в вас шариками из жеваной бумаги?

— Вовсе нет. Ничего подобного.

— Тогда в чем же дело? Выкладывайте. Я женщина занятая. — С этими словами она налила себе стакан воды из графина, который всегда стоял на ее столе.

— У меня в классе есть девочка, которую зовут Матильда Вормвуд... — начала мисс Хани.

— Это дочь человека, который держит у нас салон по продаже подержанных автомашин, — рывкнула мисс Транчбуль.

Нормально она не умела говорить. Она либо рывкала, либо кричала.

— Замечательный тип этот Вормвуд, — продолжала она. — Я у него как раз вчера была. Он продал мне машину. Почти новую. Только десять тысяч миль прошла. Ее прежняя владелица, пожилая дама, раз в год ее заводила, не чаще. Мне просто повезло. Да, мне понравился Вормвуд. На таких держится наше общество. Он, впрочем, мне говорил, что его дочка скверная девчонка. Просил присматривать за ней. Если, говорит, что плохого случится в школе, наверняка в этом замешана его дочь. Я еще не видела этого его отпрыска, но она от меня не уйдет. Ее отец говорит, что она мерзкий прыщ.

— Да нет же, это вовсе не так! — воскликнула мисс Хани.

— Так, мисс Хани, именно так! Я даже думаю, что это она подложила мне сегодня утром под стол что-то такое, отчего стоит этот жуткий запах по всему кабинету. Конечно, она! Вот увидите, я еще с ней разберусь! Как она выглядит? Наверно, какой-нибудь отвратительный маленький червяк. За свою долгую карьеру учителя, мисс Хани, я убедилась, что скверная девчонка — гораздо более опасное существо, чем скверный мальчишка. Мало того, легче муху прихлопнуть, чем скверную девчонку. Ты хочешь ее прихлопнуть, глядь — а ее нет. Эти маленькие девчонки — просто ужас какой-то. Как я рада, что сама ею никогда не была.

— Как же так? Неужели вы никогда не были девочкой?

— Если и была, то, во всяком случае, недолго, — рявкнула мисс Транчбуль. — Я очень быстро стала женщиной.

Она совсем с ума сошла, сказала про себя мисс Хани. Просто спятила. Однако мисс Хани решила не отступать.

— Должна вам сказать, — сказала она, — что вы сильно ошибаетесь насчет Матильды. Она ничего не могла положить вам под стол.

— Я никогда не ошибаюсь, мисс Хани!

— Но ведь эта девочка только сегодня в первый раз явилась в школу и сразу же пошла в класс...

— Ради Бога, не спорьте со мной! Эта самая Матильда, или как там ее, подложила мне что-то под стол! Я в этом нисколько не сомневаюсь. Спасибо, что подсказали мне это.

— Но я вам этого не подсказывала.

— Неужели? Так чего же вы хотите, мисс Хани? Почему вы отнимаете у меня время?

— Я пришла поговорить с вами о Матильде. Я должна сообщить вам нечто крайне важное об этом ребенке. Могу я рассказать вам, что произошло сейчас во время урока?

— Не иначе, она подожгла вам юбку, — рывкнула мисс Транчбуль.

— Да нет же! — воскликнула мисс Хани. — Матильда гений.

Услышав это слово, мисс Транчбуль изменилась в лице и надулась точно жаба.

— Гений! — вскричала она. — Что за вздор вы несете? Вы, должно быть, не в себе! Я помню слова ее отца, который сказал, что его ребенок — гангстер!

— Ее отец неправ.

— Не грубите мне, мисс Хани! Вы знакомы с этим зверенышем только полчаса, а отец знает ее всю жизнь!

Мисс Хани была настроена решительно и попыталась рассказать о том, какие удивительные вещи творила Матильда по арифметике.

— Значит, она выучила наизусть таблицу умножения, вы это хотите сказать? — рывкнула мисс Транчбуль. — Дорогая моя, но это не значит, что она гений! Это значит, что она — попугай!

— Но она и читать умеет.

— Я тоже, — отрезала мисс Транчбуль.

— Я думаю, — сказала мисс Хани, — что Матильду нужно немедленно перевести в класс, в котором учатся одиннадцатилетние дети.

— Ха! — рывкнула мисс Транчбуль. — Значит, вы хотите от нее избавиться? Значит, вам с ней не справиться? Значит, вы хотите переложить ее на плечи бедной мисс Примзоль? Вы хотите, чтобы она продолжала безобразничать в классе мисс Примзоль?

— Да нет же! — воскликнула мисс Хани. — Я вовсе этого не хочу!

— Еще как хотите! — закричала мисс Транчбуль. — Уж мне-то ясно, что вы затеяли! Мой ответ вам будет — нет! Матильда останется в вашем классе, а вам придется последить за тем, чтобы она вела себя хорошо.

— Но послушайте...

— Ни слова больше! — громко сказала мисс Транчбуль. — И потом, в нашей школе заведено — каждый ученик должен оставаться в своем классе, невзирая на способности. Я не допущу, чтобы пятилетняя разбойница сидела рядом с мальчиками и девочками, которые гораздо старше ее. Слыханное ли это дело?

Мисс Хани стояла перед этим гигантом с красной шеей, ощущая свое бессилие. У нее было что сказать, но она поняла, что говорить что-либо не имело никакого смысла.

— Что ж, очень хорошо. Как вам будет угодно.

— Вот именно так мне и угодно! — прогудела мисс Транчбуль. — И не забывайте, мисс Хани, что мы тут имеем дело с маленькой гадюкой, которая подбросила мне что-то в кабинет...

— Она не делала этого!

— Еще как делала, — проревела мисс Транчбуль. — И вот что я вам еще скажу. Как бы мне хотелось, чтобы мне снова разрешили взять в руки розги, как в старые добрые времена! Я бы так отстегала Матильду, что она бы у меня месяц не могла сидеть!

Мисс Хани повернулась и вышла из кабинета. У нее было вконец испорчено настроение, но она не чувствовала себя побежденной.

Я все равно что-нибудь сделаю для этой девочки, сказала она про себя. Не знаю, что, но я ей обязательно помогу.

РОДИТЕЛИ

Продолжалась перемена, когда мисс Хани вышла из кабинета директора. Первым делом она решила обойти учителей из старших классов и попросить у них учебники по алгебре, геометрии, французскому языку, английской литературе и так далее. Затем она отыскала Матильду и пригласила ее зайти в класс.

— Тебе незачем сидеть у меня и ничего не делать, пока я учу остальных, как умножать на два и произносить по буквам слова «кот» или «мышь», — сказала она. — Поэтому во время урока ты будешь изучать учебник, который я тебе дам. В конце урока ты будешь ко мне подходить и задавать вопросы, если они у тебя возникнут, и я постараюсь помочь. Тебя это устраивает?

— Спасибо, мисс Хани, — ответила Матильда. — Мне это нравится.

— Я уверена, — продолжала мисс Хани, — что позднее мы сможем перевести тебя в старший класс, но пока директриса хочет, чтобы ты оставалась у меня.

— Очень хорошо, мисс Хани, — сказала Матильда. — Большое вам спасибо за книги.

Какой чудесный ребенок, подумала мисс Хани. Что бы там ни говорил о ней ее отец, мне она кажется очень спокойной и доброй. И совсем не задирает нос, несмотря на свои необыкновенные способности. Пожалуй, она даже не подозревает, что они у нее есть.

Когда начался урок, Матильда углубилась в учебник по геометрии, который дала ей мисс Хани. Учительница краешком глаза все время посматривала на нее и скоро заметила, что ребенок с головой ушел в книгу. Девочка в продолжение всего урока ни разу не подняла головы.

Тем временем мисс Хани принимала еще одно решение. Она думала о том, что ей нужно как можно ско-

рее отправиться к папе и маме Матильды и тайком побеседовать с ними. Она никак не могла успокоиться. Все это казалось ей нелепым. Она никак не могла поверить в то, что родители даже не подозревают, какими замечательными талантами обладает их дочь.

В конце концов, мистер Вормвуд — удачливый торговец автомобилями, а потому, как она думала, он вполне интеллигентный человек. И вообще, родители обычно переоценивают способности своих детей, а не наоборот. Учителю почти никогда не удается убедить гордых за своего ребенка папу или маму в том, что их отпрыск — полный олух.

Мисс Хани была уверена, что ей не составит труда убедить мистера и миссис Вормвуд: Матильда — дитя необыкновенное. Надо лишь позаботиться о том, чтобы они не слишком-то возгордились ею.

Мисс Хани подумывала и о большем. А почему бы ей не попросить разрешения родителей давать Матильде дополнительные уроки после школы? Как учителя ее весьма привлекала возможность заниматься с такой блестящей ученицей. И она приняла решение в тот же вечер пойти к мистеру и миссис Вормвуд, причем попозже, между девятью и десятью часами, когда Матильда уже наверняка будет спать.

Именно так она и сделала. Взяв адрес в школьной канцелярии, мисс Хани вскоре после девяти часов вечера отправилась пешком к дому Вормвудов. Их дом находился на красивой улочке, от соседей его отделял небольшой сад. Это было современное кирпичное здание, из тех, что дешево не купишь, а на воротах можно было прочесть его название: «Уютный уголок». «Уютный уголок» было бы лучше, подумала мисс Хани. Она любила играть словами. Подойдя к дому по тропинке, она позвонила в звонок. Было слышно, что в доме на полную мощность включен телевизор.

Дверь открыл человек, похожий на крысу и с крысиными усами. На нем был спортивный пиджак в оранжево-красную полоску.

— Да? — произнес он, выглядывая из-за двери. — Лотерейные билеты мне не нужны, если вы их продаете.

— Нет, — сказала мисс Хани. — Извините, что беспокою вас. Я учительница Матильды, и мне нужно поговорить с вами и вашей женой.

— Уже натворила что-то, а? — сказал мистер Вормвуд, встав в дверях. — Что ж, теперь вам за нее отвечать. Придется вам с ней повозиться.

— Ничего она не натворила, — возразила мисс Хани. — У меня хорошие новости насчет нее. Совершенно неожиданные новости, мистер Вормвуд. Можно мне войти на несколько минут и поговорить с вами о Матильде?

— Мы как раз смотрим нашу любимую передачу, — сказал мистер Вормвуд. — Сейчас крайне неудобно. Почему бы вам не заглянуть в другой раз?

Мисс Хани начала терять терпение.

— Мистер Вормвуд, — сказала она, — если вы думаете, что какая-то там глупая телепередача значит для вас больше, чем будущее собственной дочери, тогда вы вообще не должны быть родителем! Выключите же этот ящик и выслушайте меня! |

Подобные слова заставили мистера Вормвуда встрепетаться. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, и теперь внимательнее посмотрел на худенькую женщину, которая была настроена столь решительно.

— Ладно, так и быть, — раздраженно произнес он. — Заходите и давайте побыстрее с этим покончим.

Мисс Хани вошла в дом.

— Миссис Вормвуд спасибо вам за это не скажет, — бросил он, проводя ее в гостиную, где крупная блондинка с платиновыми волосами замороженно смотрела на телеэкран.

— Кто там? — спросила она, не оборачиваясь.

— Какая-то школьная учительница, — ответил мистер Вормвуд. — Хочет поговорить с нами насчет Матильды. Он подошел к телевизору и выключил звук.

— Не надо, Гарри! — вскричала миссис Вормвуд. — Уиллард собирается сделать предложение Анжелике!

— Ты можешь следить, пока мы будем разговаривать, — сказал мистер Вормвуд. — Это учительница Матильды. Говорит, у нее есть для нас какие-то новости.

— Меня зовут Дженифер Хани, — сказала мисс Хани. — Здравствуйте, миссис Вормвуд.

Миссис Вормвуд бросила на нее недовольный взгляд и сказала:

— Так что там у вас?

Сесть мисс Хани никто не предложил, но она все-таки взяла стул и села.

— Сегодня, — начала она, — ваша дочь в первый раз была в школе.

— Знаем, — сказала миссис Вормвуд, вне себя от того, что ей помешали досмотреть передачу. — И это все, что вы можете нам сообщить? За этим вы и пришли?

Мисс Хани сурово смотрела прямо в глазки сидевшей напротив нее женщины и молчала до тех пор, пока миссис Вормвуд не стало не по себе.

— Так вы хотите, чтобы я объяснила вам, зачем я пришла? — спросила она наконец.

— Выкладывайте, что там у вас, — сказала миссис Вормвуд.

— Вам, конечно же, известно, — начала мисс Хани, — что от тех, кто приходит в первый класс, не ждут, что они будут свободно читать, произносить слова по буквам или жонглировать цифрами. Пятилетние дети на это неспособны. Но Матильда — умеет все это делать. И если верить ее словам...

— Я бы на вашем месте не стала ей верить, — прервала ее миссис Вормвуд. Она никак не могла прийти в себя от того, что в телевизоре выключили звук.

— Так, значит, она лгала мне, — сказала мисс Хани, — когда говорила, что никто не учил ее ни перемножать числа, ни читать? Кто-нибудь из вас учил ее этому?

— Учил чему? — спросил мистер Вормвуд.

— Читать. Читать книги, — сказала мисс Хани. — Быть может, вы все-таки учили ее? Может, она и в самом деле говорила мне неправду? Может, у вас в доме полно книг? Я об этом ничего не знаю. Может, вы страшно любите читать.

— Вообще-то, конечно, мы читаем, — сказал мистер Вормвуд. — Я, например, раз в неделю прочитываю от корки до корки журналы «Автомобиль» и «Мотор».

— Ваш ребенок прочитал удивительное количество книг, — сказала мисс Хани. — Просто мне было интересно узнать, насколько в ее семье любят литературу.

— Нет, мы не поощряем чтение книг, — сказал мистер Вормвуд. — Что толку сидеть и читать всякие глупости? Мы вообще не держим дома книги.

— Понятно, — сказала мисс Хани. — Так вот, я пришла к вам сообщить, что у Матильды блестящий ум. Но думаю, вам это уже известно.

— Разумеется, я знаю, что она умеет читать, — сказала мать. — Всю свою жизнь она проводит, читая какие-то там глупые книжки.

— Но неужели вас не интересует то, — спросила мисс Хани, — что пятилетний ребенок читает книги для взрослых, длинные романы Диккенса и Хемингуэя? Неужели вас это не приводит в волнение?

— Не особенно, — сказала мать. — Мне не по душе умные тихони, их еще зовут «синие чулки». Девушка должна думать о том, как бы ей получше выглядеть, чтобы потом найти хорошего мужа. Внешность имеет гораздо большее значение, чем чтение книг, мисс Ханки...

— Меня зовут Хани, — поправила ее мисс Хани.

— Вот взгляните на меня, — продолжала миссис Вормвуд, — а потом на себя. Вы выбрали книги. А я — внешность.

Мисс Хани посмотрела на некрасивую полную женщину с лицом, заплывшим жиром, которая самоуверенно глядела на нее из другого конца комнаты.

— Что вы сказали? — переспросила мисс Хани.

— Я сказала, что вы предпочли книги, а я — внешность, — повторила миссис Вормвуд. — И кто добился лучшего результата? Конечно, я. Я теперь сижу в красивом домике с удачливым бизнесменом, а вы кишки надрываете, обучая мерзких детишек азбуке и арифметике.

— Золотые слова, крошка, — сказал мистер Вормвуд, с таким обожанием посмотрев на свою жену, что от этого взгляда даже кота бы стошнило.

Мисс Хани решила, что если она хочет о чем-то договориться с этими людьми, то ей нужно держать себя в руках.

— Я вам еще не все рассказала, — продолжала она. — Матильда, насколько я могу судить, — гений в области математики. Она со скоростью молнии перемножает в голове большие числа.

— А какой в этом прок, когда можно воспользоваться калькулятором? — спросил мистер Вормвуд.

— Женщина не умом берет мужчину, — сказала миссис Вормвуд. — Посмотрите на эту кинозвезду, например, — прибавила она, указывая на безмолвный телеэкран, на котором полную женщину обнимал какой-то нескладный тип, причем все это происходило при свете луны. — Вы же не станете утверждать, будто она взяла его тем, что умножала одно число на другое, не правда ли? Конечно, нет. И вот теперь он собрался на ней жениться — пусть только не женится! — а она будет жить в особняке с дворецким и множеством слуг.

Мисс Хани ушам своим не верила. Она слышала о том, что такие родители есть на свете — их дети потом становятся преступниками и изгоями общества, — но встретить такую парочку живьем было для нее потрясением.

— Беда Матильды в том, — продолжала она, решив сделать еще одну попытку, — что она настолько обогнала всех, что следует подумать о том, чтобы давать ей дополнительные уроки. Я серьезно считаю, что при соответствующей подготовке она через два-три года сможет достичь университетского уровня.

— Университетского? — воскликнул мистер Вормвуд, подскочив в кресле. — Да кому взбрдет в голову поступать в университет? Единственное, чему там обучаются, — это глупостям и разврату.

— Это неправда, — сказала мисс Хани. — Если вам сейчас станет плохо с сердцем и придется вызвать врача, то этот врач будет выпускником университета. Если на вас подадут в суд за то, что вы продали бракованную машину, то вам понадобится адвокат, и он тоже будет выпускником университета. Не нужно презирать умных людей, мистер Вормвуд. Но я вижу, мы не пойдем друг друга. Извините, что вторглась к вам, — мисс Хани поднялась со стула и вышла из комнаты.

Мистер Вормвуд проводил ее до двери.

— Спасибо, что пришли, мисс Хокс, — сказал он. — Или надо говорить мисс Харрис?

— И то, и другое неправильно, — сказала мисс Хани, — но это не имеет значения.

И с этими словами она вышла из дома.

МЕТАТЕЛЬНИЦА

Самое замечательное в Матильде состояло в том, что если бы вы встретили ее случайно и поговорили с ней, то решили, что это совершенно нормальный ребенок пяти с половиной лет. Она никогда не ставила себя выше других и не задирала нос. «Какая умная спокойная девочка», — отметили бы вы про себя. И ни за что не узнали, каковы ее истинные умственные способности, пока не заговорили бы с ней о литературе или математике.

Матильде поэтому было легко заводить дружбу с другими детьми. В классе ее все любили. Дети, конечно, знали, что она умная, поскольку слышали, как в самый первый день мисс Хани задала ей множество разных вопросов. Знали они также и то, что Матильде было разрешено во время урока тихо сидеть с книгой и не обращать внимания на учителя. Но ведь дети ее возраста не доискиваются до скрытых причин. Они слишком поглощены своими собственными заботами, чтобы проявлять чрезмерный интерес к тому, что делают другие и почему.

Среди новых друзей Матильды была девочка по имени Лэвиндер. Они с самого первого дня занятий в школе стали ходить вместе во время перемен. Лэвиндер была очень маленькой для своего возраста — худенькая маленькая нимфа с карими глазами и темной челкой, которая закрывала ей лоб. Матильде она нравилась, потому что Лэвиндер была девочкой решительной и изобретательной. По той же причине и Матильда нравилась Лэвиндер.

Не закончилась еще и первая неделя школьных занятий, как до новеньких стали доходить страшные слухи о директрисе, мисс Транчбуль. На третий день после начала школьного года, когда Матильда и Лэвиндер стояли в углу детской площадки во время перемены, к ним

приблизилась десятилетняя девочка с прыщиком на носу, которую звали Гортензия.

— Новые ученицы, как я погляжу, — грубовато-не-любезно произнесла она, глядя на них с высоты своего огромного роста. У нее в руках был громадный целлофановый пакет, из которого она горстями выгребала чипсы. — Добро пожаловать в кутузку, — прибавила она, запихивая чипсы в рот.

Две крошки, оказавшись с глазу на глаз с этим гигантом, хранили бдительное молчание.

— С Транчбуль уже встречались? — спросила Гортензия.

— Мы видели ее на уроке священной истории, — ответила Лэвиндер, — но мы пока с ней незнакомы.

— Что ж, вас ждет большая радость, — сказала Гортензия. — Она ненавидит маленьких детей. Потому и младшие классы ненавидит, и всех, кто в них есть. Она считает, что пятилетки — это еще не вылупившиеся личинки. — В рот отправилась еще одна горсть чипсов, а изо рта посыпались крошки. — Если первый год здесь выживете, то, может, сумеете и до конца школы дотянуть. Но многие не выживают. Их выносят на носилках, а они при этом орут. Я не раз такое видела.

Гортензия умолкла, чтобы понаблюдать, какой эффект произвели ее слова на двух малявок. Да вроде никакого. Казалось, они были совершенно спокойны. Тогда старшая девочка решила развлечь их дополнительной информацией.

— Я надеюсь, вам известно, что у Транчбуль имеется в доме шкаф, который называется «душегубка»? Вы о душегубке-то что-нибудь слышали?

Матильда и Лэвиндер покачали головами, не спуская глаз с этой гигантской Гортензии. Сами очень маленькие, они с недоверием относились ко всем, кто был больше их, и особенно к девочкам, которые были старше их по возрасту.

— Душегубка, — продолжала Гортензия, — это очень высокий и очень узкий шкаф. Площадь пола в нем — всего лишь десять квадратных дюймов (то есть квадрат со сторонами 25 см), поэтому в нем никак не сядешь.

Остается только стоять. Да еще в нем три стены сделаны из бетона, из которого торчат осколки стекла, поэтому и к ним не прислониться. Вот и приходится стоять по стойке «смирно», когда тебя туда запирают. Ужасно.

— А к двери тоже нельзя прислониться? — спросила Матильда.

— И думать нечего, — ответила Гортензия. — Из двери торчат тысячи острых гвоздей. Они забиты снаружи, остриями внутрь. Наверно, это сама Транчбуль сделала.

— А ты в нем когда-нибудь была? — спросила Лэвиндер.

— В первой четверти шесть раз, — сказала Гортензия. — Дважды меня туда запирали на целый день, а в остальных случаях — на два часа. Но и двух часов хватает. Там темно, и нужно стоять прямо, и стоит только пошатнуться, как уколешься или об осколок в стене, или о гвоздь в двери.

— А за что тебя туда сажали? — спросила Матильда. — Что ты сделала?

— В первый раз, — сказала Гортензия, — я вылила полбутылки сиропа на стул, на котором должна была сидеть Транчбуль во время урока священной истории. Это было здорово. Когда она опустилась на стул, раздал-

ся такой звук, будто это гиппопотам опустил ногу в грязь на берегу реки Лимпопо. Но вы еще маленькие и глупые и, конечно же, не читали «Сказки просто так» Киплинга.

— Я читала, — сказала Матильда.

— Ты врешь, — любезно произнесла Гортензия. — Ты еще и читать-то не умеешь. Но это неважно. Так вот, когда Транчбуль села в сироп, послышался отличный звук. А когда она вскочила, то стул вроде как прилип к этим ее ужасным зеленым бридгам, да так и висел несколько секунд, пока сироп не растекся. Потом она схватилась обеими руками за то место, на котором сидит, и к этому мерзкому сиропу прилипли ее руки. Слышали бы вы, как она рычала.

— Но как она узнала, что это ты сделала? — спросила Лэвиндер.

— На меня донес один мальчишка, которого зовут Олли Богвисл, — сказала Гортензия. — Я ему за это передние зубы выбила.

— И Транчбуль заперла тебя на целый день в душегубке? — с интересом спросила Матильда.

— На целый день, — ответила Гортензия. — Я была сама не своя, когда меня выпустили. Чуть с ума не сошла.

— А еще за что тебя сажали в душегубку? — спросила Лэвиндер.

— Ну, всего и не вспомнишь, — ответила Гортензия. Она говорила так, как говорит старый солдат, побывавший в стольких сражениях, что отвага стала для него чем-то обыденным. — Все это так давно было, — прибавила она, запихивая в рот очередную порцию чипсов. — Ах да, еще вспомнила. Вот что тогда произошло. Я выбрала время, когда Транчбуль мне не мешает, потому что она отправилась на урок к шестиклассникам, подняла руку и попросила разрешения выйти в туалет. Но в туалет я не пошла, а тихонько направилась в кабинет Транчбуль. Быстренько осмотрев ящики шкафа, я нашла тот, в который она складывала свои штаны, ну эти дурацкие бриджи.

— Продолжай, — восхищенно произнесла Матильда. — Что было дальше?

— До этого я по почте заказала сильнодействующий порошок, который вызывает чесотку, — рассказывала Гортензия. — Пакетик обошелся мне в пятьдесят пенсов, а называется он «раздражитель кожи». Там было написано, что делается он из измельченных зубов ядовитых змей, и давалась гарантия, что на коже появятся волдыри размером с грецкий орех. Я насыпала этого порошка в каждую пару штанов, а потом снова аккуратно их сложила. — Гортензия умолкла, чтобы набить рот чипсами.

— И что из этого вышло? — спросила Лэвиндер.

— Очень скоро, — сказала Гортензия, — Транчбуль во время урока священной истории неожиданно начала чесаться ниже пояса как ненормальная. Ага, сказала я про себя. Начинается. Как приятно было видеть все это и сознавать, что я единственный человек во всей школе, который точно знает, что происходит с Транчбуль. И к тому же я была спокойна. Я знала, что меня не поймают. А она чесалась все сильнее и уже не могла остановиться. Наверно, она решила, что у нее там осиное гнездо. И тут, в самой середине урока, вдруг вскочила и убежала вон, прижимая руки к заду.

И Матильда, и Лэвиндер были в восхищении. Им обоим было ясно: перед ними мастер своего дела. Вот человек, который возвел искусство издевательства до степени совершенства, человек, что еще более важно, готовый рисковать всем на свете ради выполнения поставленной задачи. Они в изумлении смотрели на эту богиню, и даже прыщик на носу уже казался им не недостатком, а символом мужества.

— Но как же она на этот раз узнала, что это сделала ты? — задыхаясь от восторга, спросила Лэвиндер.

— А она и не узнала, что это я, — ответила Гортензия. — Но меня все равно на целый день заперли в душегубке.

— За что? — спросили обе девочки.

— Транчбуль, — сказала Гортензия, — имеет одну отвратительную привычку — она любит отгадывать. Если она не знает, кто виновник, то просто пытается отгадать, и беда в том, что чаще всего оказывается права. В тот раз я была главным подозреваемым из-за проделки с сиропом, и хотя я знала, что у нее нет никаких доказательств, все мои возражения не принимались ею в расчет. Я все время кричала: «Да как же я могла это сделать, мисс Транчбуль? Я ведь даже не знаю, где у вас в школе хранятся эти штаны! Я знать не знаю, что такое порошок для чесотки! Никогда не слышала ни о чем подобном!» Но ложь мне не помогла, несмотря на то, что я устроила отличное представление. Транчбуль просто взяла меня за ухо, потащила в душегубку и заперла там. Я во второй раз отстояла в ней целый день. Когда я вышла наружу, то была вся исколота.

— Это похоже на войну, — в страхе произнесла Матильда.

— Правильно говоришь, это война и есть, — воскликнула Гортензия. — Потери огромные. Мы крестоносцы, доблестная армия, без оружия сражающаяся за собственные жизни, а Транчбуль — это сатана, змий-искуситель, демон, и в ее распоряжении находится все оружие, которое только есть на свете. Трудно нам приходится. Но мы стараемся поддерживать друг друга.

— Ты можешь рассчитывать на нас, — сказала Лэвиндер, приподнимаясь на носки, чтобы казаться выше ростом.

— Нет, не могу, — сказала Гортензия. — Вы всего лишь маленькие козявки. Хотя, кто знает. Может, мы и найдем для вас какую-нибудь тайную работу.

— Расскажи нам еще немножко о том, на что она способна, — сказала Матильда. — Пожалуйста, расскажи.

— Я не хочу пугать вас, ведь вы здесь только одну неделю, — сказала Гортензия.

— А мы не испугаемся, — сказала Лэвиндер. — Мы маленькие, но не из пугливых.

— Ладно, тогда слушайте, — сказала Гортензия. — Вот что случилось буквально вчера. Транчбуль увидела, как на уроке священной истории один мальчик, которого зовут Джулиус Ротвинкль, ест конфеты. Она схватила его за руку и вышвырнула в окно. И вот мы видим, как Джулиус Ротвинкль летит над садом как пушечное ядро или как фризби и шлепается посреди грядок с салатом. А Транчбуль поворачивается к нам и говорит: «Отныне всякий, кто ест в классе, вылетит прямо в окно».

— А этот Джулиус Ротвинкль не сломал себе что-нибудь? — спросила Лэвиндер.

— Да так, несколько костей, — ответила Гортензия. — Вы должны знать, что Транчбуль когда-то выступала за команду Англии на Олимпийских играх в метании молота, так что она очень гордится своей правой рукой.

— А что значит метание молота? — спросила Лэвиндер.

— Молот, — ответила Гортензия, — это на самом деле большое ядро, которое прикреплено к концу длинного куска проволоки, и метатель раскручивает его над своей головой все быстрее и быстрее, а потом отпускает. Тут нужна огромная сила. Транчбуль что угодно может метнуть ради тренировки, но особенно любит метать детей.

— Господи помилуй, — произнесла Лэвиндер.

— Я слышала, как она однажды говорила, — продолжала Гортензия, — что большой мальчик весит примерно столько же, сколько олимпийский молот, поэтому его очень удобно использовать для тренировки.

И тут произошло нечто странное. На площадке, которая до той минуты тонула в криках резвившихся детей, вдруг воцарилось гробовое молчание.

— Будьте осторожны, — прошептала Гортензия.

Матильда и Лэвиндер обернулись и увидели гигантскую фигуру мисс Транчбуль, приближающуюся сквозь толпу мальчиков и девочек крупными шагами, в которых таилась угроза. Дети поспешно расступались, чтобы дать ей возможность пройти. Она шагала по асфальту, как Моисей по Красному морю, воды которого расступались перед ним: очень у нее была внушительная фигура в этой подпоясанной ремнем куртке и зеленых бриджах. Икры растягивали чулки точно грейпфруты.

— Аманда Трип! — кричала она. — Эй ты, Аманда Трип, иди сюда!

— Наденьте панамы, — прошептала Гортензия.

— А что сейчас будет? — также шепотом спросила Лэвиндер.

— Эта глупая Аманда, — ответила Гортензия, — во время каникул отрастила свои и без того длинные волосы, и ее мама заплела ей две косички. Глупость она сделала.

— Почему глупость? — спросила Матильда.

— Вот уж чего Транчбуль больше всего не любит, так это косички, — сказала Гортензия.

Матильда и Лэвиндер смотрели, как монстр в зеленых бриджах приближается к девочке лет десяти, у которой за плечами болтались две золотистые косички. На конце косичек были заплетены голубые шелковые банты, очень красивые.

Аманда Трип, девочка с косичками, стояла совершенно неподвижно, глядя на приближающегося монстра; у нее было такое выражение, какое можно увидеть на лице человека, оказавшегося посреди поля один на один с разъяренным быком. Девочка в ужасе не могла сдвинуться с места, глаза ее были широко раскрыты, она вся дрожала и, казалось, знала наверняка, что ее смертный час наконец настал.

Мисс Транчбуль подошла к своей жертве и остановилась, глядя на нее сверху вниз.

— Чтоб завтра я тебя в школе с косичками не видела! — рявкнула она. — Отрежь их и выброси в урну, понятно?

Аманда, скованная страхом, с трудом выдавила из себя:

— М-м-маме они нравятся. Она з-з-заплетает их мне каждое утро.

— У тебя мама дура! — прогудела Транчбуль.

Она ткнула в голову девочки своим пальцем размером с батон колбасы и громко сказала:

— Ты похожа на крысу, у которой из головы торчит хвост!

— М-м-моей маме нравится, мисс Транчбуль, — опять сказала Аманда, заикаясь. Она тряслась как осинный лист.

— А меня не интересует, что нравится твоей маме! — взревела Транчбуль, и с этими словами сгребла в правую руку косички Аманды и оторвала ее от земли. Затем она принялась крутить ее над головой.

Аманда закричала как резаная, а Транчбуль крутила ее все быстрее и при этом вопила:

— Я тебе покажу косички!

— Как на Олимпийских играх, — пробормотала Гортензия. — Она ее сейчас раскрутит, как когда-то крутила молот. Спорим, что она ее метнет?!

Транчбуль между тем отклонилась, мастерски поворачиваясь на носках, сильно раскрутила Аманду Трип и

вдруг, издав могучий стон, отпустила косички. Аманда как ракета взлетела над площадкой, перелетела через проволочную ограду и устремилась в небо.

— Отличный бросок! — крикнул кто-то, и Матильда, которая была потрясена происшедшим, увидела, как Аманда Трип, описав изящный полукруг, приземлилась на футбольное поле. Она опустилась на траву, подпрыгнула три раза и наконец осталась лежать. Затем, что удивительно, поднялась. Казалось, она была чуточку потрясена, да и кто бы мог винить ее за это, однако спустя минуту-другую она нетвердой походкой направилась назад к площадке.

Транчбуль смахивала с себя пыль.

— Неплохо, — говорила она, — особенно если иметь в виду, что я нерегулярно тренируюсь. Совсем неплохо.

С этими словами она зашагала прочь.

— Она сумасшедшая, — сказала Гортензия.

— Но почему родители на нее не пожалуются? — спросила Матильда.

— А твои родители стали бы жаловаться? — ответила Гортензия. — Мои — точно нет. Она и с папами и мамами обращается так же, как с детьми, и они все ее до смерти боятся. Ну ладно, еще увидимся.

И она неторопливо пошла дальше.

БРЮС БОГТРОТТЕР И ТОРТ

— Как она может оставаться безнаказанной? — с недоумением сказала Лэвиндер Матильде. — Ведь дети приходят домой и обо всем рассказывают своим папам и мамам. Я знаю, что мой папа поднял бы жуткий скандал, если б я ему рассказала, что директриса схватила меня за волосы и перебросила через забор.

— А вот и не поднял бы, — ответила Матильда. — И я скажу тебе почему. Он просто не поверил бы тебе.

— Еще как поверил бы.

— Нет, не поверил бы, — настаивала Матильда. — Это же очевидно. В такое невозможно поверить. В этом и заключается секрет Транчбуль.

— Какой еще секрет? — спросила Лэвиндер.

— Если хочешь остаться безнаказанным, — ответила Матильда, — доводи дело до конца. Делай нечто невыносимое. Иди на крайности. Поступай так, чтобы никто не поверил, что можно поступать столь безумно. Ни один родитель не поверит в этот рассказ с косичками, ни за что не поверит. Меня бы точно назвали лгуньей.

— В таком случае, — заметила Лэвиндер, — мама Аманды и не подумает отрезать ей косички.

— Конечно, нет, — сказала Матильда. — Аманда сама их отрежет. Вот увидишь.

— По-твоему, она сумасшедшая?

— Кто?

— Транчбуль.

— Нет, я не думаю, что она сумасшедшая, — сказала Матильда. — Но она очень опасная. Учиться в этой школе — все равно что оказаться в одной клетке с коброй. Нужно быть очень осторожным.

Уже на следующий день они еще раз имели возможность убедиться, насколько опасной может быть Транчбуль.

Во время большой перемены было объявлено, чтобы все ученики, как только пообедают, собрались в зале.

Когда примерно двести пятьдесят мальчиков и девочек заняли свои места, на сцену вышла Транчбуль. Других учителей рядом с ней не было. В правой руке она держала хлыст. Расставив свои ноги в зеленых бриджах и сжимая в руке хлыст, она сурово оглядывала обращенные к ней лица.

— А что сейчас будет? — прошептала Лэвиндер.

— Не знаю, — прошептала Матильда в ответ.

Все ждали, что произойдет.

— Брюс Богтроттер! — неожиданно рывкнула Транчбуль. — Где Брюс Богтроттер?

В зале поднялась рука.

— Иди сюда, — закричала Транчбуль. — И поживее!

Большой, толстый одиннадцатилетний мальчик вразвалку направился к сцене.

— Встань там! — приказала Транчбуль после того, как он вскарабкался по ступенькам.

Мальчик сделал, как ему велели. Казалось, он нервничает. Он отлично знал, что ему не награду собираются вручать. Он внимательно поглядывал на директрису и потихоньку пятился от нее, едва заметно переставляя ноги, — так крыса пьтится от терьера, который смотрит на нее из другого конца комнаты. На его круглом лице появилось выражение недоброго предчувствия. Гольфы у него сползли.

— Этот тупица, — взревела Транчбуль, тыча в него хлыстом, точно шпагой, — этот червь, этот мерзкий прыщ, эта ядовитая поганка, которую вы видите перед собой, — не кто иной, как отвратительный преступник, отщепенец, член мафии!

— Кто? Я? — произнес Брюс Богтроттер, искренне изумившись.

— Вор! — завопила Транчбуль. — Мошенник! Пират! Разбойник! Прохвост!

— Погодите-ка, — заговорил мальчик. — Постойте, постойте!

— Ты еще отрицаешь, ты, мерзкий фурункул? Не признаешь свою вину?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказал мальчик, все более удивляясь.

— Я скажу тебе, о чем я говорю, ты, гнойный прыщик! — кричала Транчбуль. — Вчера утром, во время перемены, ты, как змея, пробрался на кухню и украл с подноса кусок моего шоколадного торта! То, что было на подносе, кондитер готовила для меня лично! Это мой завтрак! Включая торт, он из моих личных запасов! Это торт не для мальчишек! Не стану же я есть то, что дают

вам, а, как ты думаешь? Этот торт был сделан из настоящего масла и настоящих сливок! А он, этот грабитель, этот взломщик, этот бандит с большой дороги, который стоит тут со сползшими гольфами, выкрал его и съел!

— Я его не трогал! — воскликнул мальчик, побледнев, — до этого лицо его было серого цвета.

— Не лги мне, Богтроттер! — рявкнула Транчбуль. — Кондитер видела тебя. Более того, она видела, как ты его ел.

Транчбуль стерла пену, которая выступила у нее на губах.

Когда она снова заговорила, голос ее неожиданно сделался мягче, тише, любезнее, и она с улыбкой наклонилась к мальчику.

— Тебе ведь понравился мой тортик, правда, Богтроттер? Он такой сочный и вкусный, правда, Богтроттер?

— Очень хороший, — пробормотал мальчик. Он и сам не успел сообразить, что говорит.

— Ты прав, — сказала Транчбуль. — Он в самом деле очень хороший. Поэтому я думаю, тебе нужно поблагодарить кондитера. После того, как джентльмен хорошо поел, Богтроттер, он всегда хвалит повара. Ты ведь этого не знал, а, Богтроттер? Впрочем, обитатели преступного мира не отличаются хорошими манерами.

Мальчик продолжал молчать.

— Кондитер! — крикнула Транчбуль, поворачиваясь в сторону двери. — Иди сюда, кондитер! Богтроттер желает сказать тебе, какой хороший у тебя получился шоколадный торт.

На сцену поднялась кондитер в грязном белом фартуке. Это была высокая и очень худая женщина; казалось, ее давным-давно высушили в печи и лишили всех жизненных соков. Было очевидно, что Транчбуль заранее подготовила ее выход на сцену.

— Ну, Богтроттер, — прогудела Транчбуль. — Скажи кондитеру, что ты думаешь о ее шоколадном торте.

— Он очень хороший, — пробормотал мальчик.

Его явно занимали размышления о том, чем все это кончится. Единственное, что он знал наверняка, это то, что закон запрещал Транчбуль стегать его хлыстом, которым она похлопывала себя по бедру. Это было приятно осознавать, хотя особенно приятного в этом ничего не было — Транчбуль была совершенно непредсказуема. Никогда не знаешь, чего от нее ожидать.

— Ну вот, видите, — воскликнула Транчбуль. — Богтроттеру понравился торт. А нет ли у нас для него еще кусочка?

— Есть, — ответила кондитер. Похоже, она знала ответы наизусть.

— Так принеси же нам. И нож прихвати, чтобы удобнее было резать.

Кондитер исчезла, но почти тотчас же появилась снова, сгибаясь под тяжестью огромного круглого шоколадного торта на фарфоровом блюде. Торт имел в диаметре сантиметров сорок и был покрыт толстым темно-коричневым слоем шоколада.

— Поставь его на стол, — сказала Транчбуль.

В середине сцены стоял небольшой столик, а за ним — стул. Кондитер бережно поставила торт на стол.

— Садись, Богтроттер, — сказала Транчбуль. — Садись вон там.

Мальчик осторожно подошел к столу и сел на стул. Он неотрывно смотрел на гигантский торт.

— Ну вот, Богтроттер, — сказала Транчбуль, и голос у нее снова сделался мягким, вкрадчивым, чуть ли не нежным. — Он весь твой, до последнего кусочка. Поскольку тебе так понравился вчерашний кусок, то я приказала кондитеру изготовить большой торт для тебя одного.

— Спасибо, — проговорил мальчик, совсем сбитый с толку.

— Кондитера благодари, не меня, — сказала Транчбуль.

— Спасибо, — сказал мальчик кондитеру.

Та стояла, поджав губы, и неодобрительно наблюдала за происходящим. Казалось, она набрала в рот лимонного сока.

— Ну, приступай же, — сказала Транчбуль. — Почему бы тебе не отрезать кусочек и не попробовать его?

— Что? Прямо сейчас? — осторожно спросил мальчик. Он знал, что где-то тут кроется подвох, но где — не знал. — А можно, я лучше домой его возьму? — спросил он.

— Это было бы невежливо, — сказала Транчбуль, лукаво ухмыльнувшись. — Ты прямо сейчас должен доказать нашему кондитеру, как ты признателен ей за все хлопоты.

Мальчик не двигался.

— Ну начинай же, — сказала Транчбуль. — Отрежь кусочек и попробуй его. Мы не собираемся торчать тут целый день.

Мальчик взял было нож и уже собрался вонзить его в торт, но остановился. Он посмотрел на торт. Затем поднял глаза на Транчбуль и на жилистую женщину-кондитера, у которой рот был полон лимонного сока.

Все дети, затаив дыхание, напряженно ждали, что будет дальше. Они были уверены, что что-то обязательно должно произойти. Транчбуль была не из тех, кто просто так, из чувства доброты, угостит кого-то целым шоколадным тортом. Многие высказывали предположение, что в торт добавлен перец, касторовое масло или еще что-нибудь подобное, от чего мальчика стошнит. Возможно, там даже был мышьяк, и мальчик умрет через десять секунд. А может, торт был заминирован, и только Брюс Богтроттер разрежет его, как вместе с тортом взлетит в воздух. В школе знали — от Транчбуль всего можно было ожидать.

— Что-то мне не хочется, — сказал мальчик.

— А ты попробуй, — сказала Транчбуль. — Это невежливо по отношению к кондитеру.

Мальчик очень осторожно стал отрезать маленький кусочек огромного торта. Отрезав его, он положил нож, взял пальцами скользкий кусок торта и очень медленно стал есть его.

— Хороший торт, правда? — спросила Транчбуль.

— Очень хороший, — ответил мальчик, доедая кусок.

— Съешь еще кусочек, — сказала Транчбуль.

— Мне хватит, спасибо, — пробормотал мальчик.

— Я сказала, съешь еще кусок, — настаивала Транчбуль, и в голосе ее зазвенели угрожающие нотки. — Ешь еще один кусок! Делай, что тебе говорят!

— Я не хочу, — сказал мальчик.

Транчбуль неожиданно взорвалась.

— Ешь! — закричала она, ударив себя хлыстом по ноге. — Говорю тебе — ешь, значит, будешь есть! Ты же хотел торта? Вот тебе торт. Мало того, ты его весь съешь! Ты не сойдешь со сцены и никто не выйдет из этого зала, пока не съешь торт, который стоит перед тобой. Я ясно выражаюсь, Богтроттер? Ты меня понимаешь?

Мальчик посмотрел на Транчбуль. Потом перевел глаза на огромный торт.

— Ешь! Ешь! Ешь! — кричала Транчбуль.

Мальчик очень медленно отрезал еще один кусок и начал есть его.

Матильда не верила своим глазам.

— Думаешь, он справится с ним? — шепотом спросила она у Лэвиндер.

— Нет, — шепотом ответила Лэвиндер. — Это невозможно. Он и половины не съест, как его стошнит.

Мальчик продолжал есть. Съев второй кусок, он в нерешительности посмотрел на Гранчбуль.

— Ешь! — крикнула она. — Жадные маленькие во-ришки, которые так любят есть торт, должны иметь его много! Ешь скорее, мальчик! Скорее ешь! Мы не собираемся ждать тут целый день! И не останавливайся. Если еще раз остановишься, то отправишься прямо в душегубку. Я запру дверь, а ключ выброшу в колодец!

Мальчик отрезал третий кусок и начал его есть. Этот кусок он доел даже быстрее, чем первые два, а закончив, тотчас взял нож и отрезал еще один кусок. Кажется, он вошел во вкус.

Матильда, внимательно наблюдавшая за мальчиком, не заметила, чтобы он выражал беспокойство. Более того, он, казалось, обретал все больше уверенности.

— Он отлично держится, — прошептала она Лэвиндер.

— Его скоро стошнит, — прошептала ей та в ответ. — Это будет ужасно.

Одолов половину огромного торта, Брюс Богтроттер остановился на пару секунд и несколько раз глубоко вздохнул.

Упершись руками в бедра, Гранчбуль строго смотрела на него.

— Ешь дальше! — крикнула она. — Доедай его до конца!

Неожиданно из груди мальчика вырвался гулкий звук, громом прокатившийся по залу. Многие захихикали.

— Тихо! — крикнула Транчбуль.

Мальчик отрезал еще один большой кусок и стал быстро его есть. По-прежнему незаметно было, что он утратил к торту интерес. Глядя на него, никак нельзя было сказать, будто он вот-вот воскликнет: «Не могу, не могу я больше. Меня сейчас стошнит».

Он продолжал делать свое дело.

А между тем в выражении лиц наблюдавших за ним двухсот пятидесяти детей происходила едва заметная перемена. Когда все только начиналось, у них был такой вид, будто они предчувствовали неладное. Они приготовились стать свидетелями неприятной сцены, когда мальчик, набитый по горло шоколадным тортом, вынужден будет сдаться и молить о пощаде и им придется следить за тем, как торжествующая Транчбуль будет заталкивать куски торта в широко раскрытый рот задыхающегося ребенка.

Однако ничего подобного не происходило. Брюс Богтроттер уже съел три четверти торта и выглядел вполне нормально. Казалось, ему даже нравилось то, что он делает. Ему предстояло взобраться на гору, и он решил — либо поднимусь на вершину, либо умру в середине пути. Более того, теперь он понял, что публика молча поддерживает его. Происходящее он воспринимал как битву между собой и Транчбуль.

— Давай, Брюси! — неожиданно крикнул кто-то. — Победа будет за тобой!

Транчбуль резко повернулась и крикнула:

— Молчать!

Публика внимательно следила за тем, что происходило на сцене. Состязание полностью захватило собравшихся. Все готовы были выразить мальчику поддержку возгласами и аплодисментами, но не осмеливались.

— Кажется, он справится с тортом, — прошептала Матильда.

— Я тоже так думаю, — шепотом ответила Лэвиндер. — Никогда бы не подумала, что кто-то может съесть такой громадный торт.

— Транчбуль тоже в это не верила, — прошептала Матильда. — Посмотри-ка на нее. Она краснеет все больше и больше. Она его убьет, если он победит.

Мальчик между тем замедлил темп. Это было очевидно. Но он продолжал заталкивать куски в рот с упрямой настойчивостью бегуна на длинные дистанции, который вышел на финишную прямую и знает, что осталось немного.

Когда исчез последний кусок, публика тотчас же устроила громкую овацию. Дети вскочили на стулья, зааплодировали и закричали:

— Молодец, Брюси! Отлично, Брюси! Золотая медаль — твоя!

Транчбуль не шевелилась. Ее огромное лошадиное лицо стало пепельно-серым, цвета расплавленной лавы, а в глазах горела ярость. Она метала суровые взгляды в сторону Брюса Богтроттера, который раскинулся на стуле как человек, объевшийся до полусмерти, не способный ни двигаться, ни говорить. На лбу его выступили капельки пота, но на губах играла торжествующая улыбка.

Транчбуль неожиданно рванулась с места, схватила огромное пустое фарфоровое блюдо, на котором когда-то лежал торт. Подняв блюдо высоко над головой, она опустила его прямо на голову несчастного Брюса Богтроттера, и по сцене разлетелись осколки.

Мальчик был до того набит тортом, что напоминал мешок влажного цемента, который и кувалдой не разобьешь. Он лишь встряхнул несколько раз головой и затем продолжал улыбаться.

— А, да пропади ты пропадом! — вскричала Транчбуль и, преследуемая кондитером, быстро сошла со сцены.

ЛЭВИНДЕР

Однажды мисс Хани обратилась к ученикам первого класса со следующими словами:

— У меня есть для вас важные новости, поэтому слушайте внимательно. И ты тоже, Матильда. Отложи на минутку книгу и послушай меня.

Все обратили к ней лица в нетерпеливом ожидании.

— Наш директор мисс Транчбуль завела обычай, — сказала мисс Хани, — раз в неделю вести уроки в каком-нибудь классе, и у каждого класса есть свой определенный день и час. Наше время — в два часа дня по четвергам, сразу после большой перемены. Так что завтра в два часа мисс Транчбуль будет вашей учительницей вместо меня. Разумеется, я тоже буду здесь присутствовать, но только в качестве молчаливого свидетеля. Всем понятно?

— Да, мисс Хани, — прошебетали дети.

— Хотела бы вас предупредить, — сказала учительница. — Директор строга во всем. Поэтому позаботьтесь, чтобы на вас была чистая одежда, чтобы у вас были чистые лица и руки. Говорите только тогда, когда к вам обращаются. Если она задаст вопрос, то, прежде чем отвечать на него, сначала встаньте. Никогда не спорьте с ней. Не дерзите. Не пытайтесь казаться остроумными. Это может ее разозлить, а если она выйдет из себя, то всякое может случиться.

— В этом мы нисколько не сомневаемся, — пробормотала Лэвиндер.

— Я вполне уверена, — продолжала мисс Хани, — что она будет спрашивать у вас то, что вы должны были выучить на этой неделе, то есть умножение на два. Поэтому я настоятельно вам рекомендую еще раз все повторить, когда придете сегодня домой. Пусть вас спрашивают мама или папа.

— А что еще она будет спрашивать? — спросил кто-то.

— Чтение слов по буквам, — сказала мисс Хани. — Попытайтесь запомнить все, что вы выучили в эти последние несколько дней. И вот еще что. Когда директор войдет в класс, на столе должны обязательно стоять графин с водой и стакан. Иначе она вести урок не будет. Кто будет ответственным за то, чтобы все это было на месте?

— Я, — немедленно отозвалась Лэвиндер.

— Очень хорошо, Лэвиндер, — сказала мисс Хани. — В таком случае тебе придется сходить на кухню, взять там графин, наполнить его водой и поставить на стол вместе с чистым стаканом, прежде чем начнется урок.

— А если на кухне не будет графина? — спросила Лэвиндер.

— На кухне есть не меньше десяти графинов и стаканов директора, — сказала мисс Хани. — Их по всей школе разносят.

— Я ничего не забуду, — сказала Лэвиндер. — Обещаю вам.

Изобретательный ум Лэвиндер уже изучал возможности, которые открывались перед ней в связи с этим графином. Ей хотелось совершить нечто поистине героическое. Она безумно восхищалась Гортензией, поскольку та реализовывала в школе самые дерзкие планы. Она восхищалась и Матильдой, которая по секрету поведала ей о своей проделке с попугаем, а также о других домашних происшествиях, включая историю с краской для волос, обесцветившей шевелюру ее отца. Теперь настала ее очередь стать героиней. Оставалось лишь придумать какой-нибудь блестящий план.

В тот день по дороге из школы домой Лэвиндер принялась обдумывать различные возможности, и вдруг ей пришла в голову блестящая мысль. Она стала разрабатывать свой план с такой же тщательностью, с какой герцог Веллингтон разрабатывал свои планы перед сражением при Ватерлоо. Конечно, неприятелем в данном случае был не Наполеон. Но в Кранчем-холле никого не нужно было убеждать в том, что директриса — не менее страшный враг, чем знаменитый француз — для англичан. Если хочешь выйти из сражения с ней живым, говорила про себя Лэвиндер, то нужно призвать на помощь все свое искусство и соблюдать при этом величайшую осторожность.

В большом саду позади дома Лэвиндер был грязный пруд, который служил обиталищем колонии тритонов.

Тритон, хотя он и нередко встречается в английских прудах, не часто попадается людям на глаза, поскольку существо это робкое и угрюмое. Внешность у него невероятно безобразная, он выглядит как маленький крокодилчик, только голова у него короче. Он совершенно безобиден, но глядя на него, этого не скажешь. В длину он около шести дюймов, то есть сантиметров пятнадцать, он очень скользкий, спинка у него зеленовато-серого цвета, а брюшко оранжевое. По существу, это амфибия, и поэтому тритон может жить как в воде, так и без воды.

В тот же вечер Лэвиндер вышла к пруду с намерением поймать тритона. Это проворные существа, и поймать их непросто. Она долго и терпеливо лежала на берегу, пока не увидела одну громадину. Пользуясь своей панамой, она выловила тритона. Девочка заранее припасла пенал для карандашей, в который уложила водоросли, однако выяснилось, что переложить тритона из панамы в пенал не так-то просто. Он извивался и корчился и, кроме того, в пенал помещался с трудом.

Когда ей все-таки удалось поместить его туда, пришлось приложить немало труда, чтобы, закрывая крышку, не прищемить ему хвост. Соседский мальчик, которого звали Руперт Энтвисл, рассказывал ей, что если оторвать у тритона хвост, то этот хвост останется живым, и из него потом вырастет другой тритон, в десять раз больше того, которому хвост принадлежал. Он может быть размером с аллигатора. Лэвиндер не очень-то этому верила, но рисковать не хотела.

В конце концов ей удалось задвинуть крышку пенала, и теперь тритон был у нее в руках. Подумав немного, она чуть-чуть отодвинула крышку, чтобы существо могло дышать.

На следующий день она понесла свое тайное оружие в ранце в школу. В ней все трепетало от нетерпения, и ужасно хотелось рассказать Матильде о своем плане. Она не прочь была и всему классу об этом рассказать. Но все же решила никому ничего не говорить. Так лучше, потому что никто даже под самой страшной пыткой не сможет назвать имя виновника.

Наступила большая перемена, во время которой все отправились в столовую, где давали любимое блюдо Лэвиндер — сосиски с жареной фасолью.

Но есть она не могла.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Лэвиндер? — спросила мисс Хани, сидевшая во главе стола.

— Я дома так позавтракала, — сказала Лэвиндер, — что ничего не могу есть.

Тотчас же после обеда она ринулась на кухню, где нашла один из знаменитых графинов Транчбуль. Это была большая пузатая штукавина из голубого стекла.

Лэвиндер наполнила графин водой до половины и понесла его вместе со стаканом в класс, где и поставила на стол учителя.

В классе еще никого не было. Лэвиндер быстро достала из ранца пенал и чуточку отодвинула крышку. Тритон лежал неподвижно. С величайшей осто-

рожностью она поднесла пенал к горлу графина, отодвинула крышку до конца, и тритон выпал. Он без всплеска упал в воду и тут же безумно заметался, прежде чем опустился на дно.

Чтобы тритон чувствовал себя как дома, Лэвиндер решила бросить в графин и все водоросли из пенала.

Дело сделано. Все было готово. Лэвиндер снова положила карандаши в довольно мокрый пенал, и пенал занял полагающееся ему место на парте. Затем она вышла из класса и время, оставшееся до начала урока, провела вместе с другими детьми на площадке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОПРОС

Ровно в два часа все собрались в классе, включая мисс Хани, которая обратила внимание на то, что графин и стакан стоят на своем месте. Затем она встала позади задней парты. Все застыли в ожидании.

Неожиданно в класс крупными шагами вошла огромная директриса в куртке, опоясанной ремнем, и в зеленых бриджах.

— Здравствуйте, дети, — рявкнула она.

— Здравствуйте, мисс Транчбуль, — прошебетали они.

Директриса стояла перед учениками, расставив ноги, упершись руками в бедра и строго глядя на маленьких мальчиков и девочек, которые весьма неуютно чувствовали себя за партами.

— Не очень-то приятное зрелище, — произнесла она с явным отвращением, будто смотрела на то, что наделала собака посреди комнаты, когда ее долго не выгуливали. — Ну и мерзкие же вы прыщи, прямо тошнит от вас.

У всех хватило ума промолчать.

— Просто тошнит, — продолжала она, — особенно когда подумаю, что вот с такими вот, как вы, мне придется мириться в своей школе еще шесть лет. Понятно, чтобы не свихнуться, мне придется кое-кого исключить, и чем больше таких будет, тем лучше.

Она несколько раз фыркнула. Странный это был звук. Такое же фыркание можно услышать, когда проходишь мимо конюшни, в которой кормят лошадей.

— Я полагаю, — продолжала она, — что ваши папы и мамы говорят вам, какие вы распрекрасные. Я вам скажу другое, и уж лучше поверьте мне. Всем встать!

Все быстро поднялись на ноги.

— Теперь вытяните перед собой руки. Когда я буду проходить мимо, переворачивайте их, чтобы я убедилась, что они с обеих сторон чистые.

Транчбуль медленно пошла между партами. Все было хорошо, пока она не приблизилась к маленькому мальчику во втором ряду.

— Как тебя зовут? — рявкнула она.

— Найджел, — ответил мальчик.

— А фамилия?

— Найджел Хикс, — сказал мальчик.

— И что дальше? — проревела Транчбуль. Она проревела так громко, что маленький мальчик едва не вылетел в окно.

— Все, — сказал Найджел. — Вы же, наверно, спрашиваете, нет ли у меня еще какого-нибудь имени.

Это был храбрый маленький мальчик, и было видно, что он старался не обнаружить страха перед нависшей над ним Горгоной.

— Меня не интересуют твои имена, ты, червяк! — взревела Горгона. — А вот как меня зовут?

— Мисс Транчбуль, — сказал Найджел.

— Тогда так ко мне и обращайся! А теперь давай попробуем еще раз. Как тебя зовут?

— Найджел Хикс, мисс Транчбуль, — сказал Найджел.

— Так-то лучше, — сказала Транчбуль. — У тебя грязные руки, Найджел. Когда ты мыл их в последний раз?

— М-м... дайте подумать, — произнес Найджел. — Точно трудно сказать. Может, вчера, а может, и поза-вчера.

Лицо и все тело Транчбуль надулось, как будто его накачали насосом.

— Я так и знала! — закричала она. — Только я тебя увидела, как сразу поняла — это грязнуля. Твой отец что, канализационные трубы чистит?

— Он врач, — ответил Найджел. — И притом очень хороший врач. Он говорит, на нас столько микробов, что пара лишних соринок никому не повредит.

— Я рада, что он не мой врач, — сказал Транчбуль. — А почему, позволь спросить, у тебя на рубашке прилипла жареная фасолина?

— У нас на обед была фасоль, мисс Транчбуль.

— А ты всегда перекладываешь обед на рубашку, Найджел? Тебя этому твой знаменитый врач научил, он же папа?

— Жареную фасоль трудно есть, мисс Транчбуль. Фасолины все время с вилки соскакивают.

— Ты отвратителен! — завопила Транчбуль. — Ты разносчик заразы! Не желаю тебя сегодня больше видеть! Иди и встань в угол на одной ноге лицом к стене!

— Но, мисс Транчбуль...

— Не спорь со мной, мальчик, или я поставлю тебя на голову! А теперь делай, что тебе говорят!

Найджел отправился в угол.

— Стой там, в углу, а я узнаю, выучил ли ты что-нибудь за эту неделю. И не поворачивайся, когда будешь отвечать. Пусть твое гадкое лицо будет повернуто к стене. Произнеси по буквам слово «писать».

Найджел оказался необычайно толковым ребенком, к тому же его мама много поработала с ним дома над тем, как нужно произносить слова по буквам. Он правильно произнес по буквам слово «писать», что удивило Транчбуль. Она-то думала, что дала ему очень сложную задачу, что он ничего такого еще и не учил, и ее разозлило то, как хорошо он справился с заданием.

И тут Найджел, стоя на одной ноге и глядя в стену, сказал:

— А вчера мисс Хани научила нас произносить по буквам новое очень длинное слово.

— И что же это за слово? — мягко спросила Транчбуль.

Чем мягче звучал ее голос, тем большей была опасность, но Найджел этого не знал.

— Затруднительность, — сказал Найджел. — Теперь все в классе могут произнести по буквам слово «затруднительность».

— Какая глупость, — сказала Транчбуль. — Вам не следовало бы учить такие длинные слова, пока вам не исполнится лет восемь-девять. Только не говори мне, будто все в классе могут произнести по буквам это слово. Ты лжешь мне, Найджел.

— А вы спросите кого-нибудь, — сказал Найджел, страшно рискуя. — Спросите кого хотите.

Транчбуль обвела учеников своими блестящими, предвещающими опасность глазами.

— Ты, — произнесла она, указывая на крошечную и довольно беззаботную девочку, которую звали Пруденс. — Произнеси по буквам слово «затруднительность».

Как это ни удивительно, но Пруденс, не задумываясь ни на секунду, выполнила задание.

Транчбуль была ошеломлена, что естественно.

— Гм! — фыркнула она. — Наверно, мисс Хани целый урок учила вас произносить по буквам одно-единственное слово.

— Совсем нет, — пропищал Найджел. — Мисс Хани научила нас этому за три минуты, и мы уже этого никогда не забудем. У нее уходит три минуты, чтобы научить нас произносить по буквам любое слово.

— И что это у вас за волшебный метод такой, мисс Хани? — спросила директриса.

— Я вам покажу, — снова пропищал Найджел, приходя на помощь мисс Хани. — Только можно, я опущу другую ногу и повернусь?

— Ни того, ни другого ты не сделаешь! — отрезала Транчбуль. — Оставайся на месте, но все равно показывай!

— Хорошо, — сказал Найджел, покачиваясь на одной ноге. — Мы вместе с мисс Хани поем песенку и быстро запоминаем, как произносить по буквам слово, о котором в этой песенке поется. Хотите, спою песенку про слово «затруднительность»?

— Просто жажду, — произнесла Транчбуль голосом, полным сарказма.

— Тогда слушайте, — сказал Найджел. — «Миссис ЗА, миссис ТРУД, миссис НИ, миссис ТЕЛЬ, миссис НОСТЬ». Вот вам и «затруднительность».

— Как здорово! — фыркнула Транчбуль. — А почему все они «миссис», а не «мисс»? Однако, когда учите детей произносить слова по буквам, стишки оставьте в стороне. Чтобы в будущем этого не было, мисс Хани.

— Но им так гораздо легче заучивать и более сложные слова, — пробормотала мисс Хани.

— Не спорьте со мной, мисс Хани! — выкрикнула директриса. — Делайте, что вам говорят! Теперь я проверю, научила ли вас мисс Хани умножать.

Транчбуль вернулась на свое место и принялась обводить учеников дьявольским взглядом.

— Ты! — рявкнула она, указывая на маленького мальчика по имени Руперт, сидевшего в переднем ряду. — Сколько будет дважды семь?

— Шестнадцать, — с глупой непринужденностью ответил Руперт.

Транчбуль, мягко ступая, двинулась в сторону Руперта как тигрица, приближающаяся к олененку. Неожиданно Руперт понял, что ему угрожает опасность, и сделал еще одну попытку.

— Восемнадцать! — воскликнул он. — Дважды семь будет восемнадцать. Или четырнадцать!

— Ты, маленький глупый слизняк! — взревела Транчбуль. — Ты, безмозглый сорняк! Ты, пустоголовый хомяк! Ты, бестолковый не знаю кто!

Встав позади Руперта, она неожиданно протянула руку размером с теннисную ракетку и сгребла в кулак волосы на голове мальчика.

У Руперта было много золотистых волос. Его матери они казались красивыми, и она не возражала против того, чтобы они отросли подлиннее.

Зато Транчбуль так же сильно не любила длинные волосы у мальчиков, как косы и косички у девочек, и теперь ей представилась возможность показать, сколь велика была ее нелюбовь. Крепко взяв Руперта за длин-

ные золотистые локоны своей огромной ручищей, она оторвала его от стула и подняла в воздух.

Руперт закричал. Он корчился, извивался, дрыгал ногами и визжал, как поросенок, а Транчбуль вопила:

— Дважды семь будет четырнадцать! Дважды семь — четырнадцать! Не отпущу, пока не повторишь!

— Мисс Транчбуль! Отпустите его, пожалуйста! — крикнула мисс Хани. — Ему же больно! Вы ему волосы вырвете!

— И поделом, пусть только еще повертится! — фыркнула Транчбуль. — Не шевелись, ты, червяк!

Очень необычное это было зрелище — огромная директриса держит на вытянутой руке извивающегося, корчашегося, надрывающегося мальчика.

— Говори! — кричала Транчбуль. — Говори — дважды семь четырнадцать! Живее, а то я буду дергать тебя, и тогда твои волосы точно останутся у меня в руках, и я набью ими диван. Ну же, говори! Скажи, что дважды семь будет четырнадцать, и тогда я отпущу тебя.

— Д-дважды с-семь ч-четырнадцать, — выдавил из себя Руперт, и Транчбуль, верная своему слову, отпустила его. Он находился высоко от пола, а потому кубарем полетел вниз и, приземлившись, поскакал, как мячик.

— Поднимайся и прекрати хныкать, — рывкнула Транчбуль.

Руперт поднялся и пошел на свое место, потирая обеими руками голову.

Транчбуль снова обвела глазами учеников. Они сидели точно загипнотизированные. Представление было замечательное. Лучше, чем в цирке, с той большой разницей, что здесь у них находилась женщина-бомба, которая могла взорваться в любую минуту и разнести лютого на кусочки.

Дети неотрывно смотрели на директрису.

— Не люблю я маленьких, — говорила она. — Маленькие вообще не должны попадаться на глаза. Их нужно держать в коробках, как булавки или пуговицы. Никак не могу понять — почему дети так долго не становятся взрослыми. Наверно, они делают это нарочно.

В переднем ряду выискался еще один смельчак, который произнес:

— Но ведь и вы когда-то были маленькой, разве не так, мисс Транчбуль?

— Я никогда не была маленькой, — отрезала она. — Я всегда была большой и не понимаю, почему другие не могут быть такими же.

— Но ведь были же вы когда-то младенцем, — сказал мальчик.

— Я? Младенцем? — громко произнесла Транчбуль. — Как ты смеешь такое говорить? Какая наглость! Какая неслыханная дерзость! Как тебя зовут, мальчик? И встань, когда разговариваешь со мной!

Мальчик поднялся.

— Меня зовут Эрик Инк, мисс Транчбуль, — сказал он.

— Эрик как? — громко переспросила Транчбуль.

— Инк, — повторил мальчик.

— Что ты такое говоришь, мальчик? Такой фамилии не может быть!

— А вы загляните в телефонную книгу, — сказал мальчик. — И найдете там моего отца под фамилией Инк.

— Что ж, очень хорошо, — сказала Транчбуль. — Пусть ты будешь Инк, молодой человек, но вот что я тебе скажу. Я сотру тебя в порошок, если ты будешь умничать. Произнеси по буквам слово «коллектив».

— К...А...Л... — не задумываясь, стал отвечать Эрик.

Наступила зловещая тишина.

— Я дам тебе еще один шанс, — не двигаясь, произнесла Транчбуль.

— Ах да, я знаю, — сказал Эрик. — После буквы «л» идет буква «и». Это же просто.

Сделав два больших шага, Транчбуль оказалась за спиной Эрика. Беззащитный мальчик согнулся, готовый принять на себя удар судьбы. Потом, обернувшись, он со страхом посмотрел на чудовище.

— Я ведь правильно ответил? — нервно пробормотал Эрик.

— Нет, неправильно! — рявкнула Транчбуль. — Вообще-то ты мне кажешься ядовитой маленькой гадючкой, которая всегда все неправильно делает! Ты не так сидишь! Выглядишь ты не так! Говоришь неправильно! Да и весь ты какой-то неправильный! Я тебе дам еще один шанс, чтобы ты исправился! Итак, произнеси по буквам слово «коллектив»!

Эрик замялся в нерешительности. Затем очень медленно произнес:

— Не К...О... и не К...А...Л...И, ах да, я знаю, К...О...Л...Е...

Транчбуль, стоявшая за спиной Эрика, взяла мальчика обеими руками за уши и сжала их указательным и большим пальцами.

— А! — закричал Эрик. — А! Мне больно!

— А я еще ничего не делаю, — живо проговорила Транчбуль. И, ухватив его покрепче за уши, она подняла мальчика в воздух.

Эрик, как и Руперт до него, огласил помещение визгом.

— Мисс Транчбуль! — крикнула мисс Хани. — Не делайте этого! Пожалуйста, отпустите его! Вы оторвете ему уши!

— Уши его никуда не денутся! — крикнула в ответ Транчбуль. — По своему большому опыту я знаю, мисс Хани, что у маленьких мальчиков уши очень прочно приделаны к голове.

— Отпустите его, мисс Транчбуль, пожалуйста, — умоляюще произнесла мисс Хани. — Ему же больно! Вы ведь оторвете ему уши!

— Уши еще ни у кого не отрывались! — громко сказала Транчбуль. — А вот растягиваются они замечательно, как вот эти, но то, что они не отрываются, это точно!

Эрик завизжал еще громче и все сильнее дрыгал ногами.

Матильда еще никогда не видела, чтобы мальчика, да вообще кого-нибудь, поднимали за уши. Как и мисс Хани, она была уверена, что уши оторвутся в любую минуту, не выдержав того веса, который они держали.

— Так вот, слово «коллектив» произносится по буквам так: «К...О...Л...Л...Е...К...Т...И...В», — кричала Транчбуль. — Ну-ка, произнеси его, ты, маленький прыщик!

Эрик долго не раздумывал. Наблюдая несколькими минутами ранее Руперта, он пришел к выводу, что чем быстрее ответишь, тем быстрее тебя отпустят.

— К...О...Л...Л...Е...К...Т...И...В, — завизжал он.

Не выпуская уши из пальцев, Транчбуль опустила его на стул, стоявший за партой. Затем и сама отправилась на свое место, отряхивая ладоши, как человек, выполнивший грязную работу.

— Вот как нужно их учить, мисс Хани, — сказала она. — Поверьте мне, слов им недостаточно. Слова в них

нужно вбивать. Чтобы они что-то запомнили, их нужно покрутить-повертеть. Только после этого они становятся внимательнее.

— Вы только и делаете, что мучаете их, — громко сказала мисс Хани.

— О да, конечно, — ухмыляясь, произнесла Транчбуль. — Зато, например, уши Эрика вытянулись по меньшей мере на сантиметр за последние пару минут! Теперь они стали больше, чем были раньше! В этом нет ничего плохого, мисс Хани. Теперь он всю жизнь будет похож на поганку.

— Но, мисс Транчбуль...

— А, помолчите же, мисс Хани! Вы и сами от них недалеко ушли. Если вам с ними не справиться, то поищите-ка лучше работу в частной школе для богатых детей. Если бы вы были учительницей столько, сколько я, вы бы знали, что не следует быть добрым по отношению к детям. Почитайте-ка, мисс Хани, «Николаса Никльби» Чарльза Диккенса. Почитайте там о мистере Уокфорде Сквирсе, замечательном директоре школы Дотибойз-холл. Вот уж кто знал, как держать в руках маленьких зверенышей! А как он пользовался розгами! Спины у них были такие тепленькие, что на них можно было жарить яичницу с беконом! Отличная книга! Но я не думаю, что кто-нибудь из этих простофиль когда-нибудь прочитает ее, потому что, глядя на них, ни за что не скажешь, что они когда-нибудь научатся читать.

— Я ее читала, — тихо произнесла Матильда.

Транчбуль резко повернула голову и внимательно посмотрела на маленькую девочку с темными волосами и кариими глазами, сидевшую во втором ряду.

— Что ты сказала? — резко спросила она.

— Я сказала, что читала ее, мисс Транчбуль.

— Что читала?

— «Николаса Никльби», мисс Транчбуль.

— Ты лжешь, девчонка! — крикнула Транчбуль, строго глядя на Матильду. — Я сомневаюсь, есть ли во всей школе хоть один ребенок, который прочитал бы эту книгу, и вот на тебе, какая-то козявка из младшего класса нагло мне врет! Зачем ты это делаешь? Ты меня

за дуру принимаешь? Ты что, девочка, за дуру меня принимаешь?

— Э-э-э... — начала было Матильда, но умолкла. Ей очень хотелось сказать: «Да, принимаю», — но это было бы равнозначно самоубийству. — Э-э-э... — заговорила она снова, так и не в силах произнести «нет».

Транчбуль догадалась, что ребенок задумался, а это ей не нравилось.

— Встань, когда разговариваешь со мной! — рявкнула она. — Как тебя зовут?

Матильда поднялась и сказала:

— Меня зовут Матильда Вормвуд, мисс Транчбуль.

— Вот как, Вормвуд? — сказала Транчбуль. — Значит, ты дочь человека, который держит магазин подержанных автомобилей?

— Да, мисс Транчбуль.

— Он же мошенник! — крикнула Транчбуль. — Неделю назад он продал мне подержанную машину, которая, по его словам, была почти новая. Тогда я думала, что он отличный парень. Но сегодня утром еду я в этой машине по деревне, как вдруг у меня выпадает на дорогу двигатель! Он, оказывается, был забит опилками! Этот человек — вор и грабитель! Я с него кожу спущу, вот увидишь!

— Он знает, что делает, — сказала Матильда.

— Знает он! — громко сказала Транчбуль. — Мисс Хани рассказывала мне, что ты тоже много чего знаешь. Ох, не люблю я тех, кто много знает! Это все мошенники! А к тебе это в первую очередь относится! Твой отец рассказывал мне кое-что о твоём ужасном поведении дома! Но в школе у тебя ничего не выйдет, юная леди! Отныне я буду строго следить за тобой. Сядь и веди себя смиренно.

ПЕРВОЕ ЧУДО

Матильда села за парту. Транчбуль села за свой стол — впервые за весь урок. Затем она протянула руку и взяла графин. Держась за графин, но не поднимая его, она сказала:

— Никогда не могла понять, почему маленькие дети такие отвратительные. Ненавижу. Хуже насекомых. От них нужно вовремя избавляться. Мух мы прихлопываем газетой и используем аэрозоль. Я часто думаю о том, что хорошо бы изобрести аэрозоль, с помощью которого можно избавляться от детей. Как это было бы здорово — войти в класс с огромным аэрозолем и начать обрызгивать детей. А еще лучше — липучка. Развесить повсюду в школе липучку, и дети стали бы к ней прилипать. Хорошая мысль, правда, мисс Хани?

— Если вы шутите, то я не думаю, что это очень смешно, — сказала мисс Хани.

— Вот как?! — сказала Транчбуль. — А я вовсе не шучу. По-моему, самая лучшая школа, мисс Хани, это та, в которой совсем нет детей. Я на днях собираюсь заняться этим. Думаю, меня ждет успех.

Она сумасшедшая, сказала про себя мисс Хани. У нее крыша поехала. Это от нее надо избавляться.

Транчбуль тем временем взяла голубой графин и налила в стакан воды. И неожиданно вместе с водой прямо в стакан нырнул длинный скользкий тритон!

Транчбуль закричала и подпрыгнула со стула, точно под нею произвели салют. Теперь и дети увидели длинное тонкое скользкое желтобрюхое ящероподобное существо, которое корчилося в стакане. Все вскочили, запрыгали и закричали:

— Что это? Фу, какое мерзкое! Да это змея! Нет, это маленький крокодильчик! Это аллигатор!

— Осторожнее, мисс Транчбуль! — крикнула Лэвиндер. — Он, наверно, кусается!

Транчбуль, эта могучая женщина-гигант в зеленых бриджах, стояла и тряслась. Ее особенно злило то, что кому-то удалось сделать так, что она подскочила и закричала, а ведь она гордилась своей невозмутимостью.

Она смотрела на существо, корчившееся в стакане. Как ни странно, ей никогда не приходилось видеть тритона. Естественная история не была ее коньком. Она не имела ни малейшего представления о том, что это такое. На вид существо было неприятно. Она медленно опустилась на стул. В этот момент она казалась более грозной, чем когда-либо. В ее маленьких черных глазках загорались огоньки ярости и ненависти.

— Матильда! — рявкнула она. — Встань!

- Кто, я? — спросила Матильда. — А что я сделала?
- Встань, ты, маленький гадкий таракан!
- Я ничего не сделала, мисс Транчбуль, честное слово. Я такую скользкую тварь никогда и не видела!
- Сейчас же встань, ты, насекомое!

Матильда неохотно поднялась из-за своей парты во втором ряду. Лэвиндер, сидевшая за ней, ощутила угрызения совести. В ее планы не входило причинять неприятности своей подруге. С другой стороны, она не собиралась признаваться.

— Ты мерзкая, отвратительная, гадкая, ничтожная тварь! — раскричалась Транчбуль. — Тебе не место в этой школе! Тебя нужно посадить за решетку, вот куда! Я сделаю так, чтобы тебя отсюда с треском выгнали! Я позабочусь о том, чтобы старшие ученики палками выгнали тебя отсюда! Я прослежу, чтобы до дома тебя проводила вооруженная охрана! И я точно знаю, что приму все меры, чтобы тебя направили в исправительную школу для малолетних преступниц как минимум на сорок лет!

Транчбуль пришла в неопишемую ярость, и лицо ее стало такого цвета, будто его прокипятити, а в уголках ее рта выступила пена.

Но самообладание потеряла не только она. Матильда тоже начала выходить из себя. Она вовсе ничего не имела против, если бы ее обвинили в том, что она сделала на самом деле. Это было бы справедливо. Но ее впервые в жизни обвиняли в преступлении, которого она явно не совершала. Она не имела решительно никакого отношения к этому отвратительному существу в стакане. Ну уж нет, думала она, я не позволю этой противной Транчбуль возложить вину на меня!

— Я этого не делала! — крикнула она.

— Еще как делала! — громче прежнего крикнула Транчбуль. — Никому другому такое и в голову бы не пришло! Твой отец был прав, когда предупреждал меня!

Она, похоже, совсем потеряла контроль над собой. Остановить ее было невозможно.

— Об этой школе можешь забыть! — кричала она. — Обо всем можешь забыть. Я лично позабочусь, чтобы

тебя уpekли в такое место, где над тобой даже вороны не будут летать! Ты, может, и солнца больше никогда не увидишь!

— Я вам еще раз говорю — я этого не делала! — громко повторила Матильда. — Я в жизни не видела ничего похожего на то, что сидит в стакане!

— Ты подложила мне... ты подложила крокодила. В воду, которую я пью, ты подбросила крокодила! — кричала Транчбуль. — Никогда еще против директора не совершали более гнусного преступления! Сядь и не говори больше ничего! Сядь же!

— Но я еще раз говорю вам... — настаивала Матильда, отказываясь садиться.

— А я тебе говорю — замолчи! — взревела Транчбуль. — Если ты немедленно не сядешь и не замолчишь, я сниму ремень и познакомлю тебя с его пряжкой!

Матильда медленно села. Как же это ужасно! Какая несправедливость! Как они смеют исключать ее из школы за то, чего она не делала!

Матильда чувствовала, как гнев в ней все нарастает... нарастает... нарастает... Казалось, вот-вот в ней что-то взорвется.

Тритон продолжал корчиться в высоком стакане с водой. Видимо, ему было там ужасно тесно и неудобно. Матильда с негодованием смотрела на Транчбуль. Как она ее ненавидела! Потом она перевела взгляд на стакан с тритоном. Ей захотелось взять этот стакан и вылить его содержимое, вместе с тритоном, на голову Транчбуль. Она даже задрожала при мысли о том, что с ней сотворит Транчбуль, если она это сделает.

Транчбуль сидела за столом, глядя на корчившегося в стакане тритона со смешанным чувством ужаса и изумления. Взгляд Матильды тоже был прикован к стакану. И тут девочку охватило странное чувство. У нее появи-

лось такое ощущение, будто глаза ее излучают какую-то энергию. Она сама не могла ничего понять, но ей казалось, будто в глазах ее вспыхивают молнии, отчего в середине глазного яблока стало горячо, словно внутри него скапливалась огромная энергия.

Странное это было ощущение. Она неотрывно смотрела на стакан, и ей казалось, будто из глаз ее вылетают маленькие молнии и ударяют в него.

— Упади! — прошептала Матильда. — Упади!

Она увидела, что стакан качнулся. Немного отклонился, потом снова встал прямо. Она продолжала воздействовать на него, направляя в его сторону маленькие молнии.

— Упади! — снова прошептала она. — Упади же!

Стакан еще раз покачнулся. Матильда собралась с силами, подчинив всю себя только одному желанию — чтобы глаза ее могли излучать еще бóльшую энергию. И тут она увидела, как стакан медленно, очень, очень медленно начал падать, падать — и наконец со звоном опрокинулся. Вода из него выплеснулась вместе с тритоном на мисс Транчбуль. Директриса испустила крик, от которого, наверно, задрожали все окна в здании, и во второй раз за последние пять минут ракетой взлетела со стула.

Тритон припал к ее куртке. Транчбуль опустила глаза, увидела его и, взревев еще громче, смахнула эту тварь движением руки, так что тритон, пролетев какое-то расстояние, приземлился на пол рядом с партой Лэвиндер. Та очень быстро нагнулась, подняла его и снова уложила в пенал. Тритон, решила она, еще может пригодиться.

Лицо Транчбуль сделалось еще больше похожим на кусок вареного мяса. Она вся тряслась от ярости. На ее

куртке, в том месте, куда выплеснулась вода из стакана, было темное пятно.

— Кто это сделал? — прорычала она. — Ну! Признавайся! Выходи! На сей раз ты не уйдешь от ответа! Кто совершил это грязное дело? Кто уронил стакан?

Никто не отвечал. Стояла могильная тишина.

— Матильда! — взревела она. — Это ты! Я знаю — это сделала ты!

Матильда тихо сидела в своем втором ряду и молчала. Ее охватило чувство спокойствия и уверенности, и неожиданно она поняла, что не боится никого на свете. Только посмотрев на стакан с водой, она заставила его опрокинуться на эту ужасную директрису, а обладая такой силой, можно добиться всего на свете.

— Отвечай, ты, мерзкая тварь! — орала Транчбуль. — Признавайся — ты это сделала?

Матильда посмотрела в сверкающие глаза этой охваченной яростью женщины-гиганта и с полнейшим спокойствием произнесла:

— Я и от парты-то не отходила с самого начала урока, мисс Транчбуль. Больше мне нечего сказать.

Неожиданно против директрисы выступил весь класс.

— Она не вставала! — закричали дети. — Матильда не поднималась с места! К вам никто и близко не подходил! Вы, наверно, сами его уронили!

— Не могла я его уронить! — взревела Транчбуль. — Как вы смеете так думать?! Говорите же, мисс Хани! Уж вы-то, наверно, все видели! Кто уронил мой стакан?

— Дети не делали этого, мисс Транчбуль, — ответила мисс Хани. — Могу поклясться, что никто не сходил с места все это время, разве что Найджел, но ведь он все время стоял в углу.

Мисс Транчбуль бросила суровый взгляд на мисс Хани. Учительница выдержала этот взгляд, не моргнув глазом.

— Я вам правду говорю, — сказала она. — Вы, наверно, сами его уронили. Так часто бывает.

— Я сыта всеми вами по горло! — закричала Транчбуль. — Не желаю больше терять здесь свое драгоценное время!

И с этими словами она вышла из класса, хлопнув за собой дверью.

Наступила совершенная тишина. Мисс Хани подошла к своему столу.

— Фу! — произнесла она. — Думаю, на сегодня уроков хватит. Все свободны. Можете идти на площадку и ждать, когда вас заберут родители.

ВТОРОЕ ЧУДО

Матильда не торопилась выбежать из класса вместе со всеми. Когда все ученики исчезли, она осталась сидеть за партой, погруженная в задумчивость.

Она чувствовала, что ей нужно кому-нибудь рассказать о том, что только что произошло. Она никак не могла удержать в себе такой огромный секрет. Ей и нужен-то был всего один человек, понимающий и участливый взрослый, который мог бы объяснить ей, что же это было.

Ни мать, ни отец для этой роли не годились. Если бы они и поверили ей, что сомнительно, то почти наверняка не смогли бы по достоинству оценить значение этого ошеломляющего события. Не раздумывая более, Матильда решила поделиться с мисс Хани.

В классе оставались только она и учительница. Мисс Хани сидела за столом и листала какие-то тетради.

— А что же ты здесь сидишь, Матильда? — спросила мисс Хани, подняв глаза.

— Можно мне поговорить с вами? — произнесла Матильда.

— Ну конечно. Что случилось?

— Случилось что-то очень странное, мисс Хани.

Мисс Хани тотчас же насторожилась. После двух недавних злополучных разговоров насчет Матильды — первый разговор состоялся с директрисой, а второй с ужасными родителями, мистером и миссис Вормвуд, — мисс Хани много думала об этой девочке и размышляла, как бы ей помочь. И вот Матильда сидит с каким-то нетерпеливым выражением на лице и спрашивает, нельзя ли ей поговорить. Мисс Хани еще ни разу не видела, чтобы у девочки так широко были раскрыты глаза и вид был такой странный.

— Да, Матильда, — сказала она. — Расскажи мне, что с тобой приключилось необыкновенного.

— Мисс Транчбуль ведь не исключит меня? — спросила Матильда. — Это ведь не я положила тритона в графин. Даю вам честное слово.

— Знаю, что не ты, — сказала мисс Хани.

— А меня исключат?

— Думаю, что нет, — сказала мисс Хани. — Директриса просто немного переволновалась, вот и все.

— Хорошо, — сказала Матильда. — Но я не об этом хотела с вами поговорить.

— Так что же ты хотела мне сказать, Матильда?

— Я хотела поговорить с вами насчет стакана и тритона, — ответила Матильда. — Вы ведь видели, как из него вылилась вода на мисс Транчбуль?

— Конечно, видела.

— Так вот, мисс Хани, я его не трогала. Я к нему и близко не подходила.

— Я это знаю, — сказала мисс Хани. — Ты же слышала, я говорила директрисе, что ты никак не могла этого сделать.

— Да, но это сделала именно я, мисс Хани, — сказала Матильда. — Вот о чем я хотела бы с вами поговорить.

Мисс Хани молчала и внимательно смотрела на ребенка.

— Что-то я тебя не понимаю, — наконец сказала она.

— Я так рассердилась, что меня обвиняют в том, чего я не делала, что сделала так, чтобы это случилось.

— Чтобы что случилось, Матильда?

— Я сделала так, чтобы стакан упал.

— Я все равно не понимаю, что ты имеешь в виду, — мягко произнесла мисс Хани.

— Я сделала это глазами, — сказала Матильда. — Я смотрела на него и так хотела, чтобы он упал, что у меня в глазах стало горячо, из них вышла какая-то энергия, и стакан просто упал.

Мисс Хани продолжала пристально смотреть на Матильду сквозь свои очки в железной оправе, а Матильда так же пристально смотрела на нее.

— Я все-таки не понимаю тебя, — произнесла мисс Хани. — Ты хочешь сказать, что очень хотела, чтобы стакан упал?

— Да, — ответила Матильда. — Он упал оттого, что я на него смотрела.

Мисс Хани с минуту помолчала. Она и допустить не могла, что Матильда говорит ей неправду. Скорее всего, живое воображение слишком далеко унесло ее.

— Ты хочешь сказать, что со своего места приказала стакану упасть и он упал?

— Да, что-то вроде этого, мисс Хани.

— Если ты это сделала, то это одно из самых больших чудес на свете.

— Я это сделала, мисс Хани.

Удивительно, сказала про себя мисс Хани, как часто маленькие дети уносятся в своих фантазиях неведомо куда. Она решила как можно мягче закончить этот разговор.

— А ты могла бы это повторить? — стараясь не обидеть ее, спросила мисс Хани.

— Не знаю, — ответила Матильда, — но думаю, что могла бы.

Мисс Хани поставила пустой стакан на середину стола.

— Налить в него воды? — едва заметно улыбаясь, спросила она.

— Мне все равно, — сказала Матильда.

— Что ж, хорошо. Ну давай, урони его.

— Мне для этого нужно какое-то время.

— Пожалуйста, — сказала мисс Хани. — Я не тороплюсь.

Матильда, сидевшая во втором ряду метрах в трех от мисс Хани, положила локти на парту и обхватила лицо руками. На сей раз она сразу же послала приказание.

«Стакан, упали», — была ее команда, но губы ее не двигались, и она не произнесла ни звука. Эти слова прозвучали только у нее в голове. Она собрала всю свою волю, и снова, хотя и гораздо быстрее, почувствовала, как в глазах сделалось горячо, и маленькие молнии посыпались у нее из глаз в направлении стакана. По-прежнему не произнося ни звука, она посылала стакану команды, чтобы тот опрокинулся. Она увидела, как он покачнулся, а потом со звоном упал в нескольких сантиметрах от мисс Хани, которая сидела за столом, сложив руки.

Мисс Хани открыла рот, глаза ее едва не вылезли из орбит. Она ничего не говорила, да и не могла ничего сказать. Она попросту онемела, став свидетельницей явного чуда. Она смотрела на стакан, откинувшись на стуле, будто то был некий внушающий опасность предмет. Затем она медленно подняла голову и посмотрела на Матильду. У девочки было белое, как снег, лицо, она вся дрожала, глаза сверкали и, казалось, ничего перед собой не видели. Потом лицо Матильды преобразилось, глаза сделались круглыми и блестящими. Она не произносила ни слова, но было видно, что она медленно приходит в себя. Неожиданно девочка будто встрях-

нулась, и на лице ее снова появилось безмятежное спокойствие.

— Со мной все в порядке, — сказала она и улыбнулась. — Не волнуйтесь, мисс Хани.

— Похоже, ты была далеко, — прошептала изумленная мисс Хани.

— О, да. Я летала между звезд на серебряных крыльях, — сказала Матильда. — Это было замечательно.

Мисс Хани продолжала в восхищении смотреть на девочку, будто та и вправду с небес свалилась.

— На этот раз быстрее получилось, — тихо произнесла Матильда.

— Но этого не может быть! — воскликнула мисс Хани. — Я в это не верю! Я просто не верю в это!

Она закрыла глаза, и какое-то время сидела так, потом снова открыла их. У нее был такой вид, словно она что-то задумала.

— Ты не хотела бы пойти ко мне и выпить со мной чаю? — спросила она.

— Очень хотела бы, — сказала Матильда.

— Хорошо. Собирай свои вещи и встретимся на улице через пару минут.

— А вы никому об этом не расскажете, ну... о том, что я сделала?

— Ни за что на свете, — сказала мисс Хани.

ДОМИК МИСС ХАНИ

Мисс Хани встретила с Матильдой у школьных ворот, и они молча пошли по главной улице их городка. Прошли мимо лавки зеленщика, в окне которой было полно яблок и апельсинов, мимо мясной лавки, в которой были выставлены окровавленные куски мяса и висели ошипанные курицы, мимо небольшого банка, бакалейной лавки, магазина электротоваров и оказались на узкой проселочной дороге, где уже не было людей и только изредка проезжали машины.

Теперь, когда они оказались одни, Матильда необычайно оживилась. В ней вдруг что-то прорвалось, и какая-то энергия вырвалась наружу. Она побежала вприпрыжку рядом с мисс Хани, размахивая руками во все стороны. Слова одно за другим вылетали у нее изо рта.

— Да я... Да я что угодно могу сделать... Честное слово... Я не только могу заставить стакан упасть... Я... Да я и стол, стул могу сдвинуть с места... Да-да, мисс Хани... Даже если на стуле сидит человек, я все равно могу сдвинуть его с места... Да что там стул или стол... Мне нужно лишь покрепче закрыть глаза, а потом посмотреть на что-нибудь... Знаете, мисс Хани, мне нравится вот так пристально смотреть на что-нибудь, я чувствую, как в глазах у меня делается горячо, как будто они горят, но это ничего, мисс Хани...

— Успокойся, деточка, — сказала мисс Хани. — Давай не будем так увлекаться.

— Но ведь это так интересно, правда, мисс Хани?

— О, еще как интересно, — согласилась мисс Хани. — Это даже больше, чем интересно. Но отныне нам нужно вести себя осторожнее, Матильда.

— А почему нам нужно вести себя осторожнее, мисс Хани?

— Потому что мы имеем дело с таинственной силой, о которой ничего не знаем. Я не думаю, что это злая сила. Может, и хорошая. Может, даже божественная. Но как бы там ни было, обращаться с ней надо осторожнее.

Это были умные слова умного человека, но Матильда в своем нетерпении все видела в ином свете.

— Не понимаю, почему нам нужно быть осторожными? — продолжая прыгать, спросила она.

— Я пытаюсь объяснить тебе, — терпеливо сказала мисс Хани, — что мы имеем дело с неведомым. Это нечто необъяснимое. Правильнее это назвать явлением. Да, это необъяснимое явление.

— Значит, я явление? — спросила Матильда.

— Вполне возможно, — ответила мисс Хани. — Но мне не хотелось, чтобы ты сейчас так о себе думала. Нам бы, пожалуй, стоило получше изучить это явление, но при этом мы должны соблюдать крайнюю осторожность.

— Вы хотите, чтобы я еще раз сделала что-нибудь такое, мисс Хани?

— Именно это я имею в виду, — осторожно произнесла мисс Хани.

— Я готова, — сказала Матильда.

— Наверно, — сказала мисс Хани, — меня гораздо больше, чем тебя, волнует то, что ты сделала, и я пытаюсь найти этому хоть какое-то разумное объяснение.

— Например, какое? — спросила Матильда.

— Например, имеет ли это какое-нибудь отношение к тому, что ты не по годам развита.

— О чем это вы? — спросила Матильда.

— О том, что ты удивительно умна для своего возраста. Просто невероятно.

— Это правда? — спросила Матильда.

— Конечно, правда. Ты, наверно, и сама это знаешь. Вспомни, сколько ты прочитала. А математика?

— Пожалуй, вы правы.

Мисс Хани нравилось то, что девочка была лишена самомнения, однако и застенчивостью не страдала.

— Вот о чем я думаю, — сказала она. — Интересно, эта внезапно проявившаяся у тебя способность передвигать предмет, не касаясь его, — не имеет ли она какого-нибудь отношения к твоей способности мыслить.

— Вы хотите сказать, что у меня в голове не хватает места мозгам и они покидают ее?

— Не совсем так, — улыбнувшись, ответила мисс Хани. — Но я еще раз повторяю: что бы это ни было, мы должны отныне действовать осторожно. Я до сих пор не могу забыть выражение, которое появилось на твоем лице после того, как ты заставила стакан упасть.

— Вы думаете, мне вредно делать это? Вы именно это думаете, мисс Хани?

— Но ты ведь как-то странно себя почувствовала в тот момент, правда?

— Я замечательно себя чувствовала, — ответила Матильда. — Наверно, минуту, а то и две я летела мимо

звезд на серебряных крыльях. Я уже это вам говорила. А можно, я вам еще кое-что скажу, мисс Хани? Во второй раз было легче, гораздо легче. Это как и все на свете — чем больше тренируешься, тем лучше получается.

Мисс Хани шла медленно, так что маленькой девочке не приходилось ее догонять. Они оставили городок позади и теперь шли по узкой дорожке. Стоял прекрасный день того времени года, которое называют золотой осенью. По обеим сторонам дороги сквозь кусты черной смородины и боярышника то тут, то там виднелись высокие деревья — дубы, платаны, ясени. Изредка попадались каштаны. Мисс Хани решила переменить тему разговора и стала рассказывать Матильде, как распознать эти деревья по форме листьев и по коре на стволах. Матильда внимательно слушала и тщательно все запоминала.

Наконец они подошли к калитке забора, тянувшегося вдоль левой стороны дороги.

— Сюда, — сказала мисс Хани.

Открыв калитку, она пропустила Матильду и снова закрыла ее. Они направились по узкой дорожке, по обеим сторонам которой росли высокие ореховые деревья, и среди зеленых веток можно было видеть гроздь спелых коричневых орехов. Скоро белки за них примутся, сказала про себя мисс Хани, ведь впереди их ждут суровые месяцы зимы.

— Вы что, здесь живете? — спросила Матильда.

— Да, — коротко ответила мисс Хани.

Матильда не раз задумывалась о том, где же живет мисс Хани. Для нее она была просто учительницей, то есть человеком, который невесть откуда появляется в школе, чтобы учить детей, а потом опять куда-то исчезает. Разве кто-нибудь из нас, детей, думает, куда уходит учительница после того, как кончаются школьные занятия? Задумываемся ли мы о том, с кем она живет — одна, с сестрой или с мужем?

— А вы совсем одна живете, мисс Хани? — спросила Матильда.

— Да, — ответила мисс Хани. — Совсем одна.

Они шли по глубокой, высушенной солнцем колее, и нужно было аккуратно ставить ногу, иначе можно было вывихнуть лодыжку. Кроме птичек, сидевших на ветках ореховых деревьев, другой живности не было видно.

— У меня простой дом, в каких живут те, кто работает в поле, — сказала мисс Хани. — Так что не удивляйся. Мы уже почти пришли.

С правой стороны Матильда увидела небольшую калитку, которая пряталась за нависшими ветками ореховых деревьев.

— Вот здесь я и живу, — сказала мисс Хани, взявшись за калитку.

Матильда увидела тропинку, которая вела к домику из красного кирпича. Домик был таким маленьким, что больше походил на кукольный дом, чем на жилище человека. Кирпичи, из которого он был сложен, были старые, бледно-красные и крошились. Крыша из серого шифера. Небольшая труба. На фасаде два маленьких окна. Окошки были размером не больше газетного листа, а второго этажа вообще в доме не было. Домик стоял под сенью огромного дуба. Казалось, ветви дерева обнимают крошечное строение и прячут его от посторонних глаз.

Мисс Хани, положив руку на калитку, которую она так и не открыла, повернулась к Матильде и сказала:

— Поэт, которого зовут Дилан Томас, когда-то написал стихи. Я их вспоминаю всякий раз, когда иду по этой тропинке.

И мисс Хани принялась нараспев читать стихи:

*В край мой из стран блаженных,
Освежая природу и проясняя небо,
Повеяло чудом лета, смородиной, грушами, яблоками.
И за поворотом я вдруг увидел ребенка,
Который забытым утром шагает с матерью
Сквозь светлые сказки солнца
В легендах зеленого храма,
По детству дважды родному.*

Наступила тишина. Матильда, никогда прежде не слышавшая чтения романтической поэзии, была глубоко тронута.

— Это похоже на музыку, — прошептала она.

— А это и есть музыка, — сказала мисс Хани.

И тут, точно устыдившись проявления сокровенных чувств, она поспешно толкнула калитку и пошла по тропинке. Матильда последовала за ней.

Ей стало немножко страшно: место показалось ей таким далеким, нереальным, таким фантастичным — как иллюстрация к сказкам братьев Гримм или Ганса Христиана Андерсена. В таком домике могли бы жить герои сказок. Например, бабушка Красной Шапочки, или семь гномов, или три медведя, или еще кто-нибудь.

— Идем, дорогая, — обернувшись, сказала мисс Хани, и Матильда пошла за ней дальше.

Зеленая краска, которой когда-то была выкрашена входная дверь, облупилась. Замочной скважины не было. Мисс Хани просто подняла засов и толкнула дверь. Хотя она и не была высокого роста, ей пришлось нагнуться, чтобы войти в дверь. Матильда вошла вслед за ней и оказалась в каком-то темном узком коридоре.

— Можешь пройти со мной на кухню, поможешь приготовить чай, — сказала мисс Хани, и она направилась по коридору на кухню. Если это можно было назвать кухней. По размерам она была не больше шкафа, в котором хранят одежду. Там было одно небольшое окошко, а под ним — раковина, однако крана над раковиной

не было. К другой стене была прибита полка, а над полкой висел единственный шкафчик. На полке стояли примус, кастрюля и полбутылки молока. Примус — это такая штука, чтобы готовить еду, он работает на керосине.

— Набери воды, пока я разжигаю примус, — сказала мисс Хани. — Колодец за домом. Возьми ведро. Вот оно. В колодце увидишь веревку. Просто привяжи ведро и опусти его, но не упади сама.

Матильда, удивленная еще более, взяла ведро и вышла в сад. Над колодцем была деревянная крыша. Веревка, прикрепленная к подъемному устройству, уходила в темную бездонную дыру. Матильда подняла веревку и привязала ее конец к ручке ведра. Затем она стала опускать ведро, пока не услышала всплеск. Веревка ослабла. Она снова натянула ее и — гляди-ка! — в ведре была вода.

— Столько хватит? — спросила она, входя в кухню.

— В самый раз, — ответила мисс Хани. — Похоже, тебе этого еще не приходилось делать?

— Никогда, — сказала Матильда. — И мне понравилось. А как же вы набираете воду в ванну?

— А я не принимаю ванну, — сказала мисс Хани. — Я моюсь стоя. Я набираю ведро воды, подогреваю его на этой плитке, затем раздеваюсь и моюсь.

— Это правда? — спросила Матильда.

— Конечно, правда, — ответила мисс Хани. — До недавнего времени все бедняки в Англии мылись так. Но у них не было примуса. Им приходилось разогревать воду над огнем.

— А вы бедная, мисс Хани?

— Да, — ответила мисс Хани. — Очень. Но примус у меня хороший, правда?

Примус шипел, горело сильное голубое пламя, и вода в кастрюле уже начинала закипать. Мисс Хани достала из шкафчика чайник для заварки и положила в него несколько чаинок. Затем она отрезала от буханки хлеба два тонких кусочка и намазала их маргарином.

«Маргарин, — подумала Матильда. — Должно быть, она и в самом деле бедная».

Мисс Хани взяла поднос и поставила на него две кружки, чайник, полбутылки молока и тарелку с двумя кусочками хлеба.

— Я, к сожалению, не пью с сахаром, — сказала она. — У меня его вообще нет.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказала Матильда.

Она понимала, сколь деликатной была ситуация, и потому старалась не обидеть хозяйку каким-нибудь случайным словом.

— Давай посидим в гостиной, — сказала мисс Хани.

Взяв поднос, она вышла из кухни и направилась по темному узкому коридору в гостиную. Матильда последовала за ней, однако в изумлении остановилась на пороге. Комната была маленькой, квадратной и голой, как тюремная камера. Сквозь единственное крошечное окошко пробивался слабый дневной свет. Единственными предметами во всей комнате были два перевернутых деревянных ящика, которые служили стульями. Между ними стоял третий ящик — стол. И все. На стенах не было картин, на полу — ковра, да и сам пол был сложен из грубых нетесаных досок, между которыми были щели, забитые пылью. Потолок был таким низким, что, подпрыгнув, Матильда могла бы коснуться его кончиками пальцев. Стены были белыми, но это была не краска. Матильда потерла ладонью о стену, и на коже у нее остался белый порошок. Это была известка, ею красят стены в коровниках, конюшнях и курятниках.

Матильда была потрясена. Неужели здесь живет ее скромная, опрятно одетая учительница? Неужели она сюда возвращается каждый день после работы? Неужели у нее больше нет ничего? В это было трудно поверить. Но почему так получилось? Что-то здесь явно не так.

Мисс Хани поставила поднос на один из ящиков.

— Садись, моя дорогая, садись, — сказала она, — и мы выпьем горячего чаю. Ешь хлеб. Оба куса твои. Я никогда ничего не ем, когда возвращаюсь домой. Я плотно обедаю в школе, так что могу до следующего утра ничего не есть.

Матильда осторожно уселась на краешек перевернутого ящика и из вежливости откусила кусок хлеба с маргарином. Дома ей бы дали кусок хлеба с маслом и клубничным вареньем, а может, еще и бисквитное пирожное впридачу. Однако здесь было интереснее. В этом доме существовала какая-то тайна, какая-то большая тайна, на этот счет не было никакого сомнения, и Матильде ужасно хотелось узнать, в чем тут дело.

Мисс Хани разлила чай и добавила в каждую чашку немного молока. Казалось, она не ощущает неловкости из-за того, что ей приходится сидеть на перевернутом ящике и пить чай из кружки, которая стоит у нее на колене.

— Понимаешь, — сказала она, — я много думала над тем, что ты сделала со стаканом. Ты наделена большими возможностями, моя девочка.

— Да, мисс Хани, я знаю, — сказала Матильда, жуя хлеб с маргарином.

— Насколько мне известно, — продолжала мисс Хани, — никому на свете еще не удавалось сдвинуть предмет, не касаясь его, не дуя на него и не прибегая к посторонней помощи.

Матильда кивнула, но не произнесла ни слова.

— Было бы чрезвычайно любопытно узнать, — сказала мисс Хани, — как далеко простираются твои возможности. Знаю, знаю, ты думаешь, что можешь любой предмет сдвинуть с места, но у меня насчет этого есть сомнения.

— Я бы хотела сдвинуть что-нибудь большое, — сказала Матильда.

— А как насчет расстояния? — спросила учительница. — Тебе обязательно нужно находиться близко к предмету, который ты собираешься сдвинуть с места?

— Я не знаю, — ответила Матильда. — Но очень хочу выяснить.

ИСТОРИЯ МИСС ХАНИ

— Нам не следует с этим спешить, — сказала мисс Хани, — поэтому давай выпьем еще по одной чашке чая. И прошу тебя, съешь второй кусок хлеба. Ты, должно быть, проголодалась.

Матильда взяла второй кусок и медленно стала его есть. Маргарин был совсем неплох. Она бы даже не сказала, что он чем-то отличается от масла.

— Мисс Хани, — неожиданно спросила она, — а что, вам в школе очень мало платят?

Мисс Хани резко взглянула на нее.

— Совсем не мало, — ответила она. — Столько же, сколько и остальным.

— Но все же это очень мало, если вы так страшно бедны, — продолжала Матильда. — Разве все учителя так живут — без мебели, без газовой плиты и без ванны?

— Конечно, нет, — несколько сухо проговорила мисс Хани. — Так уж получилось, что я — исключение.

— Вам, наверно, нравится жить просто, — сказала Матильда, не отступаясь от своего. — Так проще убирать в доме, не нужно стирать пыль с мебели и со всяких там вещей, которые повсюду валяются. А холодильника у вас нет, наверно, потому, что вам не хочется ходить по магазинам и покупать всякие там яйца, майонез, мороженое. Это такая экономия времени.

Тут Матильда обратила внимание на то, что лицо мисс Хани напряглось. Да и вся она будто напружинилась. Голова ее ушла в плечи, губы были плотно сжаты. Она сидела, крепко сжимая обеими руками кружку с чаем и устремив глаза в пол, будто пыталась найти ответ на эти смущающие ее вопросы.

Наступило продолжительное и неловкое молчание. За какие-нибудь полминуты атмосфера в крошечной гостиной полностью изменилась. Казалось, они обе по-

чувствовали себя неудобно, потому что их разделила какая-то тайна.

— Простите, пожалуйста, что я спросила вас об этом, мисс Хани. Мне не нужно было этого делать.

Мисс Хани при этих словах как бы пришла в себя. Она встряхнула плечами и потом очень медленно поставила кружку на поднос.

— А почему бы тебе и не спросить? — сказала она. — В конце концов, ты обязана была спросить об этом. Ты слишком умна, поэтому тебя это не могло не удивить. Быть может, мне даже хотелось, чтобы ты меня спросила. Может, именно за этим я тебя и пригласила. По правде, ты мой первый гость с тех пор, как я сюда перебралась два года назад.

Матильда молчала. Она чувствовала, как атмосфера в комнате все сгущается.

— Ты настолько умна для своих лет, — продолжала мисс Хани, — что я в это попросту не могу поверить. Хотя ты выглядишь как ребенок, на самом деле ты вовсе не ребенок, потому что рассуждаешь как взрослая. Поэтому, думаю, мы можем назвать тебя взрослым ребенком, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Матильда по-прежнему молчала. Она ждала, что будет дальше.

— До сих пор, — продолжала мисс Хани, — я считала невозможным говорить с кем-нибудь о своих проблемах. Я страшно боялась смутиться, да и решительности у меня нет. Из меня всю решительность выбили, когда я была моложе. Но теперь мне отчаянно хочется рассказать кому-нибудь обо всем. Я знаю — ты всего лишь маленькая девочка, но что-то в тебе есть располагающее. Я это вижу.

Матильда насторожилась. Голос, который она слышала, явно взывал о помощи.

— Выпей еще чаю, — сказала учительница. — Еще, кажется, осталось немного.

Матильда кивнула.

Мисс Хани налила чаю в обе кружки и добавила молока. Снова взяв свою кружку в обе руки, она принялась пить чай маленькими глоточками.

Молчание продолжалось довольно долго, прежде чем она произнесла:

— Можно, я расскажу тебе свою историю?

— Конечно, — ответила Матильда.

— Мне двадцать три года, — начала мисс Хани, — и когда я родилась, мой отец был врачом в этом городке. У нас был красивый дом, довольно большой, из красного кирпича. Он стоит в лесу за холмами. Не думаю, что ты видела его.

Матильда молчала.

— Там я и родилась, — продолжала мисс Хани. — Но вот произошла первая трагедия. Моя мама умерла, когда мне было два годика. У отца было много работы, и ему нужен был кто-нибудь, кто вел бы домашнее хозяйство и присматривал за мной. Поэтому он пригласил незамужнюю сестру мамы, мою тетю, чтобы она пожила с нами. Та согласилась и перебралась к нам.

Матильда внимательно слушала.

— Сколько лет было вашей тете, когда она перебралась к вам? — спросила она.

— Не очень много, — ответила мисс Хани. — Наверно, лет тридцать. Но я возненавидела ее с самого нача-

ла. Мне страшно не хватало моей мамы. А тетя была не очень-то добра. Мой отец этого не знал, потому что мало бывал дома, а в его присутствии она вела себя по-другому.

Мисс Хани умолкла и выпила глоток чая.

— Не знаю, зачем я тебе все это рассказываю, — в смущении произнесла она.

— Продолжайте, — сказала Матильда. — Пожалуйста.

— Хорошо, — сказала мисс Хани. — И тут случилась вторая трагедия. Когда мне было пять лет, совершенно неожиданно умер мой отец. Он был все время рядом, и вдруг его не стало. И я осталась с тетей. Она стала моей опекуной и получила на меня все родительские права. И по сути, она стала хозяйкой всего дома.

— А почему умер ваш отец? — спросила Матильда.

— Интересно, что ты спрашиваешь об этом, — сказала мисс Хани. — Я была тогда слишком маленькой, чтобы задавать подобные вопросы, но потом узнала, что его смерть была окружена тайной.

— А разве никто не знал, как он умер? — спросила Матильда.

— Не совсем так, — поколебавшись, произнесла мисс Хани. — Видишь ли, никто не мог поверить в то, что он способен на такое. Он был таким здравомыслящим, разумным человеком.

— Способен на что? — спросила Матильда.

— Убить себя.

Матильда была ошеломлена.

— А он и правда убил себя? — в изумлении спросила она.

— Так тогда все думали, — ответила мисс Хани. — Но кто знает? — Она пожала плечами и, отвернувшись, стала смотреть в крошечное окошко.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказала Матильда. — Вы думаете, что это

ваша тетя убила его и сделала так, чтобы все подумали, что это он убил себя.

— Я ничего не думаю, — сказала мисс Хани. — Пока нет доказательств, нельзя допускать такие мысли.

В комнате наступила тишина. Матильда обратила внимание, что руки мисс Хани, сжимавшие кружку, слегка дрожали.

— А потом? — спросила она. — Что было дальше, когда вы остались совсем одна с этой тетей. Она была добрая?

— Добрая? — переспросила мисс Хани. — Да она была точно дьявол. Как только моего отца не стало, она будто с цепи сорвалась. Моя жизнь превратилась в кошмар.

— А что она с вами делала? — спросила Матильда.

— Не хочу говорить об этом, — ответила мисс Хани. — Это просто страшно. Но в конце концов я стала так бояться ее, что начинала трястись, как только она входила в комнату. Ты должна помнить, что у меня никогда не было такого сильного характера, как у тебя. Я всегда была робкой и застенчивой.

— А других родственников у вас не было? — спросила Матильда. — Какие-нибудь дядюшки, тетушки, бабушки, которые бы навещали вас?

— Ни о каких родственниках я не слышала, — ответила мисс Хани. — Они все либо умерли, либо уехали в Австралию. Боюсь, что и нынче дела обстоят так же.

— Значит, вы выросли совсем одна в доме, в котором всем заправляла ваша тетя, — сказала Матильда. — Но в школу-то вы ходили?

— Разумеется, — ответила мисс Хани. — Я ходила в ту же школу, что и ты. Но жила я дома. — Мисс Хани умолкла и уставилась в пустую кружку. — Мне кажется, я пытаюсь объяснить тебе, что за те годы это чудовище в виде тети настолько запугало меня, что я тотчас же исполняла все, что она мне приказывала. Такое ведь случается. А когда мне исполнилось десять лет, я стала ее рабыней. Я делала всю домашнюю работу. Я убирала за ней постель. Я стирала белье и гладила его. Я готовила еду. Я научилась делать все.

— Но вы ведь могли кому-то пожаловаться? — спросила Матильда.

— Кому? — сказала мисс Хани. — Да я к тому же была слишком запугана, чтобы жаловаться. Я же говорю тебе, я была ее рабыней.

— Она билa вас?

— Не хочу об этом говорить, — сказала мисс Хани.

— Как это все ужасно, — проговорила Матильда. — Вы, наверно, все время плакали?

— Только когда оставалась одна, — сказала мисс Хани. — Мне не разрешалось плакать в ее присутствии. Но я все время жила в страхе.

— А что было потом, когда вы окончили школу? — спросила Матильда.

— Я была блестящей ученицей, — сказала мисс Хани, — и могла бы легко поступить в университет. Но об этом и речи не было.

— Почему, мисс Хани?

— Потому что я нужна была дома, чтобы делать домашнюю работу.

— Тогда как же вы стали учительницей? — спросила Матильда.

— В городе Ридинг есть колледж, в котором готовят учителей, — ответила мисс Хани. — Это всего лишь в сорока минутах езды на автобусе отсюда. Мне было разрешено ездить туда при условии, что после занятий я немедленно буду возвращаться домой, чтобы стирать, гладить, прибирать в доме и готовить ужин.

— А сколько вам было тогда лет? — спросила Матильда.

— Восемнадцать, — ответила мисс Хани.

— Вы могли бы собрать вещи и уйти из дома, — сказала Матильда.

— Но прежде нужно было найти работу, — сказала мисс Хани. — И не забывай, что я к тому времени была так запугана своей теткой, что и не осмелилась бы ей перечить и поступать против ее воли. Ты не можешь себе представить, что это такое — находиться под полным влиянием очень сильной личности. Ты становишься совершенно безвольным. Ну вот и все. Такова грустная история моей жизни. Хватит. Мне кажется, я и так слишком много наговорила.

— Пожалуйста, не останавливайтесь, — сказала Матильда. — Вы ведь еще не закончили. А как вам удалось в конце концов вырваться от нее и поселиться в этом смешном домике?

— О, это было что-то, — сказала мисс Хани. — Я даже горжусь собой.

— Расскажите, — попросила ее Матильда.

— Хорошо. Когда я получила работу учительницы, тетя заявила мне, что я должна ей кучу денег. Я спросила ее — за что? Она ответила: «За то, что я кормила тебя все эти годы, покупала обувь и одежду». Она говорила, что набежали тысячи и тысячи, и расплатиться с ней я смогу, если в течение последующих десяти лет буду отдавать ей свое жалованье. «Я буду давать тебе один фунт в неделю на карманные расходы, — сказала она. — И это все». Она даже договорилась в школе, чтобы мое жалованье переводили на ее счет в банке. И она заставила меня подписать соответствующую бумагу.

— Этого вам не нужно было делать, — сказала Матильда. — Ведь жалованье могло помочь вам обрести свободу.

— Знаю, знаю, — сказала мисс Хани. — Но к тому времени я была ее рабыней почти всю свою жизнь, и у меня не хватило бы решимости возражать ей. Я по-прежнему боялась ее, поскольку она еще имела надо мной власть.

— Так как же вам удалось сбежать? — спросила Матильда.

— А, — произнесла мисс Хани, впервые улыбнувшись, — это случилось два года назад. То была моя самая большая победа.

— Пожалуйста, расскажите мне, — попросила Матильда.

— Обычно я вставала очень рано и гуляла, пока тетя еще спит. И однажды я набрела на этот домик. Он был пуст. Я узнала, что его хозяин — фермер, и повидалась с ним. Фермеры тоже встают очень рано — в этот час он доил своих коров. Я спросила у него, нельзя ли мне снять его домик. «Там нельзя жить! — воскликнул он. — Там никаких удобств нет, ни канализации, ничего!»

«Но я бы хотела пожить там, — сказала я ему. — Я романтик. Мне там так понравилось. Пожалуйста, уступите мне его».

«Вы с ума сошли, — сказал он. — Но если настаиваете, то пожалуйста. Вам это обойдется всего в десять пенсов в неделю».

«Вот вам за месяц вперед, — сказала я, давая ему сорок пенсов. — И огромное вам спасибо!»

— Как здорово! — воскликнула Матильда. — И неожиданно у вас появился свой собственный дом. Но как вы набрались смелости сказать об этом тете?

— Это было трудно, — призналась мисс Хани. — Но я заставила себя. Однажды, приготовив для нее ужин, я поднялась наверх и упаковала свои вещи в картонку, затем спустилась вниз и объявила, что ухожу. «Я сняла домик», — сказала я.

Тетка взорвалась. «Сняла домик! — кричала она. — Как ты могла снять домик, когда у тебя в неделю всего один фунт?»

«Могла», — сказала я.

«А на что ты будешь покупать себе еду?»

«Справлюсь как-нибудь», — пробормотала я и выбежала из дома.

— Как здорово! — вскричала Матильда. — И наконец-то вы стали свободной!

— Наконец-то я стала свободной! — сказала мисс Хани. — Не могу тебе передать, как это было прекрасно.

— Но вам действительно удалось прожить здесь два года всего на один фунт в неделю? — спросила Матильда.

— Конечно, — сказала мисс Хани. — Я плачу десять пенсов за аренду, а на остальное покупаю керосин для примуса и для лампы, а также немного молока, чая и маргарина. А больше мне ничего и не нужно. Я тебе уже говорила, что в школе я очень плотно обедаю.

Матильда уставилась на нее.

Как все-таки замечательно поступила мисс Хани. Неожиданно в глазах Матильды она стала героиней.

— А здесь не холодно зимой? — спросила она.

— У меня есть примус.

— А кровать у вас есть?

— Не совсем, — снова улыбнувшись, произнесла мисс Хани. — Но говорят, на твердом спать очень полезно.

Матильда вдруг живо представила себе всю ситуацию. Мисс Хани нужна помощь. Так больше нельзя жить.

— Было бы гораздо лучше, мисс Хани, — сказала она, — если бы вы оставили свою работу и попытались жить на пособие по безработице. Ведь ваше пособие тетья не сможет заграбастать.

— Я никогда не пойду на это, — сказала мисс Хани. — Мне нравится преподавать.

— А эта ужасная тетя, — спросила Матильда, — она что, так и живет в вашем замечательном доме?

— Именно так, — ответила Матильда. — Ей всего-навсего лет пятьдесят. Она еще долго проживет.

— А как вы думаете, ваш отец и вправду хотел, чтобы она всегда была хозяйкой дома?

— Уверена, что не хотел, — сказала мисс Хани. — Родители часто предоставляют опекуну право владеть домом определенный срок, но потом он почти всегда остается за ребенком. То есть переходит в собственность ребенка, когда тот становится взрослым.

— Значит, это ваш дом? — спросила Матильда.

— Завещание моего отца так и не удалось найти, — сказала мисс Хани. — Кажется, кто-то уничтожил его.

— Нетрудно догадаться, кто, — заметила Матильда.

— Нетрудно, — согласилась мисс Хани.

— Но если нет завещания, мисс Хани, то это означает, что дом автоматически должен перейти к вам. Вы ведь ближайшая родственница.

— Да, это так, — сказала мисс Хани. — Но моя тетя раскопала какую-то бумагу, якобы написанную моим отцом, в которой он говорит, что оставляет дом своей свояченице в награду за ее доброту по отношению ко мне. Я уверена, что это подделка. Но никто не может этого доказать.

— А вы сами не пытались это сделать? — спросила Матильда. — Разве вы не могли нанять адвоката и побороться за свои права?

— У меня нет на это денег, — сказала мисс Хани. — К тому же нужно иметь в виду, что моя тетя — фигура в обществе уважаемая. Она обладает большим влиянием.

— Но кто же это? — спросила Матильда.

Мисс Хани замялась в нерешительности. Затем тихо произнесла:

— Мисс Транчбуль.

ИМЕНА

— Мисс Транчбуль? — вскричала Матильда, подскочив со своего места. — Вы хотите сказать, что она ваша тетя? Что она вас воспитывала?

— Да, — ответила мисс Хани.

— Неудивительно, что вы были напуганы! — воскликнула Матильда. — Мы на днях видели, как она схватила девочку за косички и перебросила через забор!

— Ты еще многого не видела, — сказала мисс Хани. — После того как умер мой отец — мне тогда было пять с половиной лет, — она заставляла меня мыться одну. Потом подходила ко мне и, если ей казалось, что я моюсь недостаточно хорошо, опускала мою голову под воду и держала ее там. Однако не заставляй меня вспоминать, что она раньше делала. Это нам никак не поможет.

— Нет, — согласилась Матильда, — не поможет.

— Мы пришли сюда, чтобы поговорить о тебе, — сказала мисс Хани, — а я все это время только и делала, что говорила о себе. Чувствую себя глупо. Меня гораздо больше интересует, как много ты можешь сделать этими своими удивительными глазами.

— Я могу передвигать предметы, — сказала Матильда. — В этом я уже уверена. Могу делать так, чтобы они падали.

— А ты не хочешь, — спросила мисс Хани, — чтобы мы провели эксперимент и выяснили, насколько большие предметы ты можешь заставлять падать? .

— Если вы не против, мисс Хани, то я бы не хотела этого делать, — совершенно неожиданно произнесла Матильда. — Теперь я хочу пойти домой и подумать о том, что произошло сегодня днем.

Мисс Хани тотчас же поднялась.

— Разумеется, — сказала она. — Я и без того тебя слишком долго задержала. Твоя мама будет волноваться.

— Она никогда не волнуется, — улыбнувшись, сказала Матильда. — Но я все равно хочу домой, если вы не возражаете.

— Что ж, идем, — сказала мисс Хани. — Извини, что у меня такой скверный чай.

— Ничего подобного, — сказала Матильда. — Мне он очень понравился.

Они дошли до дома Матильды, не произнеся по дороге ни слова. Мисс Хани чувствовала, что Матильде именно этого и хотелось. Девочка была настолько погружена в свои мысли, что не видела, куда идет, а когда они подошли к дому Матильды, мисс Хани сказала:

— Лучше позабудь все, что я говорила тебе сегодня.

— Не могу вам этого обещать, — сказала Матильда, — но обещаю ни с кем больше об этом не разговаривать, даже с вами.

— Мне кажется, это будет разумно, — заметила мисс Хани.

— Но и не могу обещать, что не буду больше об этом думать, — сказала Матильда. — Я думала об этом всю дорогу от вашего дома, и мне кажется, у меня появилась одна мысль.

— Не думай об этом, — сказала мисс Хани. — Прошу тебя, забудь обо всем.

— Мне бы хотелось задать вам еще три последних вопроса, прежде чем я прекращу говорить на эту тему, — сказала Матильда. — Вы не могли бы ответить на них, мисс Хани?

Мисс Хани улыбнулась. Удивительно, как эта маленькая девочка берет на себя ее проблемы, и притом так решительно.

— Что ж, — сказала она, — это зависит от того, какие будут вопросы.

— Первый вопрос такой, — начала Матильда. — Как мисс Транчбуль называла вашего отца, когда они оба находились дома?

— Я уверена, что она называла его Магнус, — ответила мисс Хани. — Это было его имя.

— А как ваш отец называл мисс Транчбуль?

— Ее зовут Агата, — сказала мисс Хани. — Так он ее и называл.

— И наконец, — продолжала Матильда, — как ваш отец и мисс Транчбуль называли вас, когда вы все были дома?

— Они называли меня Дженни, — ответила мисс Хани.

Матильда тщательно обдумала услышанное.

— Позвольте, я повторю, чтобы вы убедились, что я правильно поняла, — сказала она. — Дома отец был Магнусом, мисс Транчбуль Агатой, а вы — Дженни. Так?

— Все верно, — сказала мисс Хани.

— Спасибо, — сказала Матильда. — Больше я не буду об этом говорить.

«Интересно, что же происходит в голове у этой девочки», — подумала мисс Хани.

— Только смотри, не делай глупостей, — сказала она.

Матильда рассмеялась и побежала по тропинке к дому, крича на ходу:

— До свиданья, мисс Хани! Большое вам спасибо за чай!

ТРЕНИРОВКА

В доме, как всегда, никого не было. Отец Матильды еще не вернулся с работы, мать играла в лото, а брат мог быть где угодно. Она прошла прямо в гостиную и выдвинула ящик серванта, в котором, как ей было известно, ее отец держал коробку сигар. Взяв одну сигару, она направилась к себе в спальню, где и заперлась.

«Теперь надо потренироваться, — сказала она про себя. — Будет трудно, но я готова».

В голове у нее рождался замечательный план помощи мисс Хани. Она уже разработала его почти во всех деталях, и теперь все зависело от того, сможет ли она сделать кое-что с помощью своей способности передвигать предметы. Она знала, что сразу у нее это не получится, но была уверена в том, что, потренировавшись и приложив кое-какие усилия, в результате добьется своего. Без сигары тут было не обойтись. Возможно, сигара была чуточку толще, чем ей нужно, но вес ее устраивал. С ней и потренируемся.

В спальне Матильды стоял небольшой туалетный столик, на котором лежали расческа и две библиотечные книги. Она отодвинула все это в сторону и положила на середину столика сигару. Затем отошла в сторону и села на краешек кровати. От сигары ее отделяли примерно три метра.

Устроившись поудобнее, она стала сосредоточиваться и на этот раз очень быстро почувствовала, как в голове у нее будто побежал электрический ток, в глазах сделалось горячо, и в направлении сигары устремились миллионы искр. «Сдвинься с места!» — прошептала она, и, к ее немалому удивлению, сигара, обернутая посередине золотистой бумажкой, почти тотчас же покати-лась по столику и упала на пол.

Матильде это понравилось. Как интересно! Ей казалось, что в голове у нее бегают искорки, которые затем вылетают из глаз. Она при этом ощущала такую силу! И как быстро на этот раз получилось! И как просто!

Она подошла к столику, подняла сигару и положила ее на прежнее место.

«А теперь сделаем что-нибудь посложнее, — подумала она. — Если я могу толкать предметы, значит, я могу и поднимать их. Для меня чрезвычайно важно научиться поднимать их и делать так, чтобы они оставались в воздухе. Не такая уж и тяжелая это вещь — сигара».

Она снова села на краешек кровати и начала все сначала. Собрать энергию в глазах было делом легким. Как будто в голове нажимаешь на какой-то курок. «Поднимись! — прошептала она. — Поднимись! Поднимись!»

Поначалу сигара покатилась. Но Матильда продолжала пристально на нее смотреть, и тогда один кончик

сигары медленно оторвался от стола примерно на сантиметр. Приложив невероятные усилия, ей удалось удержать сигару в таком положении примерно десять секунд. Затем сигара опять упала.

— Фу! — устало выдохнула она. — У меня получается! Я уже почти научилась!

В продолжение следующего часа Матильда продолжала тренироваться, и в конце концов ей удалось сделать так, что сигара, от которой она не отрывала глаз, поднялась примерно на двадцать сантиметров над поверхностью стола и висела в воздухе около минуты. Потом Матильда вдруг почувствовала такое изнеможение, что откинулась на постель и тотчас же уснула.

В таком положении мать и застала ее в тот вечер.

— Что это с тобой? — спросила мать. — Ты заболела?

— О-хо-хо, — произнесла Матильда, поднимаясь на постели и оглядываясь. — Нет. Со мной все в порядке. Я немного устала, вот и все.

Начиная с того дня Матильда, возвратившись из школы, запиралась у себя в комнате и тренировалась с сигарой. И скоро у нее замечательно стало все получаться. Спустя шесть дней, к вечеру среды, она уже могла делать так, чтобы сигара не только поднималась в воздух, но и двигалась в ту или другую сторону по ее желанию. Это было чудесно.

— У меня получилось! — воскликнула она. — У меня и это получилось! Я могу посмотреть на сигару, и она поднимется в воздух, и я могу делать так, чтобы она перемещалась так, как я захочу!

Единственное, что ей теперь оставалось, это привести свой план в действие.

ТРЕТЬЕ ЧУДО

На следующий день был четверг, а по четвергам, как знали все ученики из класса мисс Хани, уроки сразу после большой перемены вела директриса.

Утром мисс Хани сказала им:

— Кое-кому из вас не очень-то понравилось, как в прошлый раз директриса вела урок, поэтому давайте сегодня постараемся быть особенно внимательными и разумными. Как твои уши, Эрик, после той последней встречи с мисс Транчбуль?

— Она их вытянула, — ответил Эрик. — Моя мама говорит, что уверена: теперь они больше, чем были раньше.

— Ну а ты, Руперт, — обратилась к мальчику мисс Хани, — я рада видеть, что после того четверга у тебя не стало меньше волос на голове.

— Потом голова сильно болела, — сказал Руперт.

— А ты, Найджел, — спросила мисс Хани, — очень прошу тебя, не старайся сегодня показаться директрисе умницей. На прошлой неделе ты не очень-то любезно себя вел по отношению к ней.

— Я ее ненавижу, — сказал Найджел.

— А ты не показывай вида, — сказала мисс Хани. — Это ни к чему хорошему не приведет. Она очень сильная женщина. У нее мускулы как стальные канаты.

— Был бы я взрослым, — сказал Найджел, — я бы ее с ног сшиб.

— Сомневаюсь, — сказала мисс Хани. — Это еще никому не удавалось сделать.

— А что она у нас сегодня будет спрашивать? — спросила какая-то маленькая девочка.

— Почти наверняка — таблицу умножения на три, — ответила мисс Хани. — Вы как раз ее и должны были выучить за эту неделю. Так что постарайтесь все хорошенько вспомнить.

Закончилась большая перемена, и ученики снова собрались в классе. Мисс Хани заняла свое место в конце комнаты. Все остальные сидели и молча ждали, как бы предчувствуя что-то неладное. И вдруг в класс огромными шагами вошла громадная Транчбуль в зеленых бриджах и хлопчатобумажной куртке. Она тотчас же направилась к своему графину с водой и, взяв его за ручку, заглянула внутрь.

— Рада видеть, — сказала она, — что на сей раз в питьевой воде нет скользких тварей. А если бы они там были, то со всеми вами без исключения приключилось бы нечто весьма неприятное. Включая и вас, мисс Хани.

Все молча и напряженно слушали. Ученики уже успели изучить повадки тигрицы, и никто не хотел рисковать.

— Очень хорошо, — прогудела Транчбуль. — Давайте-ка проверим, насколько хорошо вы выучили таблицу умножения на три. Или, другими словами, насколько плохо мисс Хани научила вас умножать на три.

Транчбуль стояла перед учениками, расставив ноги, оперев руки в бедра. Она с усмешкой смотрела через весь класс на мисс Хани.

Матильда неподвижно сидела за своей партой во втором ряду и внимательно наблюдала за происходящим.

— Ты! — крикнула Транчбуль, указывая пальцем размером со скалку на мальчика, которого звали Уилфред. Уилфред был самым крайним в переднем ряду. — Встань, ты! — крикнула она ему.

Уилфред встал.

— Начни-ка таблицу умножения на три с конца! — рявкнула Транчбуль.

— С конца? — запинаясь, проговорил Уилфред. — Но я не учил с конца.

— Ну вот! — торжествующе вскричала Транчбуль. — Она ничему вас не научила! Мисс Хани, почему вы абсолютно ничему их не научили за прошедшую неделю?

— Это не так, — ответила мисс Хани. — Они все научились умножать на три. Но я не вижу никакого смысла в том, чтобы они учили таблицу умножения с конца. С конца ничего нельзя учить. Весь смысл жизни состоит в том, чтобы двигаться вперед. Я хочу у вас спросить,

можете ли вы, например, назвать по буквам какое-нибудь слово с конца? Очень я в этом сомневаюсь.

— Не дерзите мне, мисс Хани! — отрезала Гранчбуль, после чего повернулась к несчастному Уилфреду. — Очень хорошо, мальчик, — сказала она. — Ответь мне. У меня семь яблок, семь апельсинов и семь бананов. Сколько всего у меня фруктов? Быстрее! Давай же! Говори ответ!

— Но ведь это сложение! — воскликнул Уилфред. — Это же не умножение на три!

— Ты совершеннейшая тупица! — закричала Гранчбуль. — Ты гнойный флюс! Ты искусанная блохами задница! Это и есть умножение на три! У тебя три кучки разных фруктов, в каждой по семь плодов. Трижды семь будет двадцать один. Ты, вонючка! Я дам тебе еще один шанс. У меня восемь кокосов, восемь арахисов и восемь грецких орехов. Сколько всего у меня орехов? Отвечай мне быстро.

Бедный Уилфред был совсем сбит с толку.

— Стойте! — вскричал он. — Подождите, прошу вас! Мне нужно сложить восемь кокосовых орехов, восемь арахисов... — Он принялся загибать пальцы.

— Ты, мерзкий пузырь! — закричала Транчбуль. — Ты, скользкий головастик! Это не сложение! Это умножение! Ответ будет — трижды восемь! Или восемью три! А какая разница между трижды восемь и восемью три? Ну-ка, скажи-ка мне, ты, мерзкая букашка, да поживее!

Уилфред был так испуган и озадачен, что уже и говорить не мог.

Транчбуль приблизилась к нему, сделав два огромных шага, и подсекла Уилфреда каким-то ловким приемом то ли из дзюдо, то ли из карате, так что мальчик подскочил и перевернулся в воздухе. Однако когда он еще не успел закончить оборот, она схватила его за лодыжку, и он так и повис в воздухе, как ошипанная курица в магазине.

— Восемью три, — кричала Транчбуль, покачивая Уилфреда из стороны в сторону, — будет столько же, сколько трижды восемь, а трижды восемь двадцать четыре! Повтори!

В этот самый момент Найджел, сидевший в другом конце класса, вскочил со своего места и возбужденно закричал, показывая пальцем на доску:

— Мел! Мел! Посмотрите на мел! Он двигается сам по себе!

Найджел кричал так громко, что все уставились на доску, включая Транчбуль. Новенький кусочек мела и вправду завис над доской.

— Он что-то пишет! — кричал Найджел. — Мел что-то пишет!

И правда, он что-то писал.

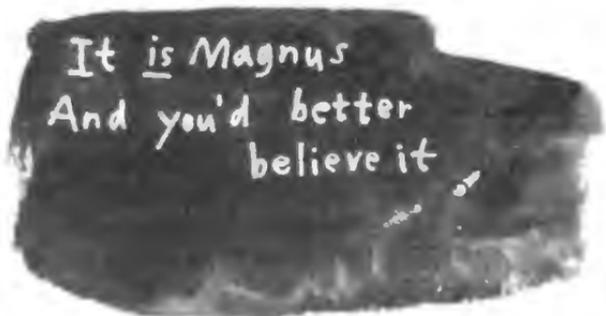
На доске появилось слово: *Agatha*.

— Это еще что такое, черт побери! — завопила Транчбуль.

Она с изумлением увидела, что чья-то невидимая рука вывела на доске ее имя. Она выронила Уилфреда, и тот упал на пол.

— Кто это делает? — закричала она, ни к кому не обращаясь. — Кто это пишет?

*Agatha, this is Magnus
This is Magnus*

It is Magnus
And you'd better
believe it

Мел продолжал писать:

Агата, это Магнус. Это Магнус.

Все услышали, как из горла Транчбуль вырвался стон.

— Нет! — закричала она. — Этого не может быть! Это не Магнус!

Это Магнус. Ты уж поверь мне, — появилось на доске.

Мисс Хани бросила быстрый взгляд на Матильду. Та сидела за партой, высоко подняв голову и сжав губы. Глаза ее блестели, как две звездочки.

Агата, отдай Дженни мой дом, — появилось на доске.

Все почему-то смотрели теперь на Транчбуль. Лицо директрисы было белым, как снег, и рот ее то открывался, то закрывался, как у палтуса, вытащенного из воды, а из горла вырывались сдавленные звуки.

Agatha, give my Jenny
back her house

Отдай моей Джени ее жалованье.

Отдай моей Джени дом.

А сама убирайся.

Если ты этого не сделаешь, я с тобой расправлюсь.

Я с тобой расправлюсь точно так же, как ты расправилась со мной.

Я буду следить за тобой, Агата.

Мел перестал писать. Несколько мгновений он висел в воздухе, потом неожиданно упал на пол с глухим стуком и раскололся надвое.

Уилфред, успевший к тому времени занять свое место в переднем ряду, закричал:

— Мисс Транчбуль упала! Мисс Транчбуль на полу!

Это была самая сенсационная новость. Все вскочили на ноги, чтобы получше рассмотреть, что же произошло. Мисс Транчбуль растянулась в полный рост на полу.

Мисс Хани подбежала и склонилась над лежавшим гигантом.

— Она без сознания! — воскликнула учительница. — Она еле дышит! Сбегайте кто-нибудь за медсестрой!

Трое учеников выбежали из класса.

Найджел, всегда готовый что-то делать, схватил графин.

— Мой отец говорит, что холодная вода — лучшее средство привести человека в чувство, — сказал он, и с этими словами вылил все содержимое графина на голову Транчбуль. Никто не возражал, включая мисс Хани.

Что же касается Матильды, то она продолжала неподвижно сидеть за своей партией. Она как-то странно себя чувствовала. У нее было такое ощущение, будто она прикоснулась к чему-то нереальному, к чему-то такому, что находится далеко от земли, на самой далекой звезде. Она чувствовала, как в голове ее происходит какое-то движение, как в глазах делается горячо, горячее, чем прежде, и особенно сильным это ощущение было

тогда, когда она заставила мел подняться и выводить на доске слова.

В класс вбежала медсестра, сопровождаемая пятью учителями — тремя женщинами и двумя мужчинами.

— Слава тебе Господи, кто-то наконец свалил ее на пол! — воскликнул один из мужчин, усмехаясь. — Примите мои поздравления, мисс Хани!

— Кто на нее вылил воду? — спросила медсестра.

— Я, — гордо ответил Найджел.

— Молодец, — сказал другой учитель. — Может, еще принести?

— Хватит, — сказала медсестра. — Нужно отнести ее в медпункт.

Потребовались усилия пятерых учителей и медсестры, чтобы поднять эту огромную женщину и оттащить ее в медпункт.

— Думаю, до начала следующего урока всем лучше поиграть на площадке, — обратилась мисс Хани к уче-

никам. После этого она подошла к доске и стерла то, что там было написано.

Дети потянулись из класса. Матильда пошла было вслед за ними, однако, проходя мимо мисс Хани, она остановилась и встретилась глазами со взглядом учительницы. Мисс Хани быстро подошла к ней, крепко обняла и поцеловала.

НОВЫЙ ДОМ

В тот же день распространились слухи, что директриса, оправившись от потери чувств, поднялась и вышла из здания школы с поджатыми губами и бледным лицом.

На следующее утро она не появилась в школе. Во время большой перемены мистер Трилби, заместитель директора, позвонил ей домой, чтобы справиться о ее здоровье. Телефон не отвечал.

Когда занятия в школе кончились, мистер Трилби решил продолжить расследование, а потому отправился в дом на окраине городка, в котором жила мисс Транчбуль. Это был красивый особняк из красного кирпича, в стиле восемнадцатого века. Известен он был под названием «Красный Дом» и прятался в лесу за холмами.

Мистер Трилби позвонил в звонок. Дверь никто не открыл.

Он громко постучал. Дверь никто не открывал.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнул он. Ему никто не ответил.

Мистер Трилби толкнул дверь и, к своему удивлению, обнаружил, что она не заперта. Он вошел внутрь.

В доме было тихо и пустынно, однако мебель была на месте. Мистер Трилби поднялся наверх в хозяйскую спальню. Здесь тоже все вроде было в порядке, пока он не стал выдвигать ящики и заглядывать в них. Нигде не было ни одежды, ни белья, ни обуви. Все это исчезло.

Удрала, сказал про себя мистер Трилби и отправился известить школьный совет о том, что директриса неожиданно исчезла.

На утро второго дня мисс Хани получила заказное письмо из местной адвокатской конторы, в котором ей сообщали, что завещание ее покойного отца, доктора Хани, загадочным образом объявилось. Из него следовало, что после кончины своего отца мисс Хани стала

законным владельцем недвижимости, известной под названием «Красный Дом», который до недавнего времени занимала некая мисс Агата Транчбуль. Из документа также следовало, что все сбережения ее отца, которые, к счастью, по-прежнему хранятся в банке, также принадлежат ей.

В письме адвоката, приложенном к бумагам, мисс Хани просили как можно скорее зайти в контору, чтобы собственность и деньги можно было незамедлительно перевести на ее имя.

Мисс Хани так и поступила, и не прошло и двух недель, как она перебралась в «Красный Дом», тот самый, где она выросла и где, к счастью, вся семейная мебель и картины были на месте. С тех пор Матильда каждый вечер была желанным гостем в «Красном Доме», и между учительницей и маленькой девочкой завязалась очень крепкая дружба.

В школе также происходили большие изменения. Как только выяснилось, что мисс Транчбуль окончательно сошла со сцены, на ее место был назначен добрейший мистер Трилби. И очень скоро после этого Матильду перевели в старший класс, где мисс Примзоль быстро обнаружила, что этот удивительный ребенок и в самом деле очень талантлив, как об этом когда-то говорила мисс Хани.

Как-то вечером, спустя несколько недель, Матильда пила чай с мисс Хани на кухне «Красного Дома», как они это обыкновенно делали.

— Со мной случилось что-то странное, — сказала вдруг Матильда.

— Расскажи, — попросила ее мисс Хани.

— Сегодня утром, — начала Матильда, — я просто так захотела сдвинуть какой-нибудь предмет взглядом, но не смогла этого сделать. Ничего не сдвигалось. У меня и в глазах не было горячо. Я утратила свою силу. Думаю, что навсегда.

Мисс Хани аккуратно намазала кусок хлеба маслом и положила сверху клубничного варенья.

— Я ожидала, что что-то такое произойдет, — сказала она.

— Правда? Почему? — спросила Матильда.

— Видишь ли, — сказала мисс Хани, — это только предположение, но вот что я думаю. Когда ты была в моем классе, тебе нечего было делать, нечего было преодолевать. Твой мозг пребывал в безделье. Но он готов был работать. В нем скопилась огромная энергия, у которой не было выхода, и тебе каким-то образом удалось направить эту энергию через глаза, заставляя предметы двигаться. Но теперь все изменилось. Ты учишься в старшем классе с другими детьми, которые старше тебя вдвое, и вся твоя умственная энергия используется во время учебы. Впервые твоему мозгу приходится бороться, соперничать и быть все время по-настоящему занятым, а это замечательно. Имей в виду, что это всего лишь предположение, быть может, глупое, но не думаю, что оно далеко от истины.

— Я рада, что это случилось, — сказала Матильда. — Не хотела бы я быть в жизни фокусницей.

— Ты сделала достаточно, — сказала мисс Хани. — До сих пор не могу поверить, что ты сделала все это ради меня.

Матильда сидела на высоком стуле за кухонным столом и медленно ела хлеб с вареньем. Ей так нравилось

быть вместе с мисс Хани! В ее присутствии она чувствовала себя свободно, а разговаривали они друг с другом более или менее как равные.

— А вы знаете, — неожиданно спросила Матильда, — что сердце мыши бьется со скоростью шестьсот пятьдесят ударов в секунду? В десять раз быстрее, чем у человека.

— Я этого не знала, — улыбнувшись, ответила мисс Хани. — Как интересно. Где ты об этом прочитала?

— В одной книжке, — сказала Матильда. — А это означает, что оно бьется так быстро, что отдельные удары и не различить. Наверно, один сплошной звук.

— Наверно, так, — согласилась мисс Хани.

— А как, по-вашему, быстро бьется сердце ежа? — спросила Матильда.

— Тоже не знаю, — еще раз улыбнувшись, произнесла мисс Хани.

— Не так быстро, как у мыши, — сказала Матильда. — Триста ударов в минуту. Но все равно не подумаешь, что оно может так быстро биться в животном, которое передвигается так медленно, правда, мисс Хани?

— Ни за что не подумаешь, — сказала мисс Хани. — Расскажи еще про кого-нибудь.

— Возьмем лошадь, — сказала Матильда. — Вот у нее сердце бьется действительно медленно. Всего сорок ударов в минуту.

«Похоже, этого ребенка все интересуется, — подумала мисс Хани. — С ней никогда не соскучишься. Я так люблю ее».

Они сидели на кухне и разговаривали примерно час, а потом, около шести часов вечера, Матильда попрощалась с мисс Хани и отправилась пешком в родительский дом, который находился минутах в восьми ходьбы.

Подойдя к калитке, она увидела припаркованный возле дома большой черный «Мерседес», но не обратила на него особого внимания: около их дома часто парковались всякие машины. Но, войдя в дом, она увидела полнейший хаос. Ее родители лихорадочно запихивали одежду и разные предметы в чемоданы.

— Что тут происходит? — воскликнула она. — Что случилось, папочка?

— Мы уезжаем, — сказал мистер Вормвуд, не поднимая глаз. — Через полчаса мы едем в аэропорт, поэтому тебе лучше поторопиться. Твой брат уже готов. Торопись, девочка! Поторапливайся же!

— Уезжаем? — воскликнула Матильда. — Но куда?

— В Испанию, — ответил отец. — Там климат лучше, чем в этой мерзкой стране.

— В Испанию?! — вскричала Матильда. — Но я не хочу в Испанию! Мне здесь нравится и мне нравится моя школа!

— Делай что тебе говорят и перестань пререкаться, — отрезал отец. — Мне и без тебя забот хватает.

— Но, папочка... — начало было Матильда.

— Заткнись! — закричал отец. — Мы уезжаем через полчаса! Нам обязательно надо успеть на этот самолет!

— Но, папочка, — мы надолго уезжаем? — спросила Матильда. — Когда мы вернемся?

— Мы не вернемся, — ответил отец. — А теперь иди собирайся! Я занят!

Матильда отвернулась от него и вышла из дома. Дойдя до дороги, она бросилась бежать. Она бежала к дому мисс Хани и была там уже через четыре минуты. Она неслась по дорожке, которая вела к дому, и неожиданно увидела мисс Хани в саду; та стояла посреди клумбы с розами и что-то делала с помощью садовых ножниц.

Мисс Хани, услышав, как Матильда бежит по усыпанной гравием дорожке, выпрямилась и сошла с клумбы.

— О Господи! — произнесла она. — Что случилось?

Матильда остановилась, с трудом переводя дыхание. Лицо ее пылало.

— Они уезжают! — воскликнула она. — Они совсем с ума сошли! Они собирают чемоданы и через полчаса уезжают в Испанию!

— Кто? — тихо спросила мисс Хани.

— Мама, папа и мой брат Майк, и они говорят, что я должна ехать с ними!

— Ты хочешь сказать — чтобы отдохнуть там? — спросила мисс Хани.

— Навсегда! — с отчаянием воскликнула Матильда. — Папа говорит, что мы никогда не вернемся!

Наступила тишина, которую тут же прервала мисс Хани.

— Вообще-то меня это не очень удивляет, — сказала она.

— То есть вы знали, что они собираются уезжать? — громко спросила Матильда. — Но почему вы мне ничего не сказали?

— Да нет же, дорогая, — сказала мисс Хани. — Я не знала, что они собираются уезжать. Но все же это меня не удивляет.

— Почему? — воскликнула Матильда. — Пожалуйста, скажите мне, почему? — Она по-прежнему дышала с трудом от бега и от того, что произошло.

— Потому что твой отец, — сказала мисс Хани, — связался с шайкой мошенников. Здесь все об этом знают. Стал торговать краденными машинами. Он глубоко завяз.

Матильда смотрела на нее с широко раскрытым ртом.

— Украденные по всей стране машины доставляли в мастерскую твоего отца, — продолжала мисс Хани, — там он менял номера, перекрашивал их и так далее. А теперь, наверно, кто-то предупредил его о том, что на его след напала полиция, и он решил сделать то, что все они делают, то есть сбежать в Испанию, где его не смогут схватить. Он, наверно, не один год высылал туда деньги, чтобы иметь возможность жить там спокойно.

Они стояли на газоне перед красивым кирпичным домом со старинной красной черепицей и с высокими трубами, и мисс Хани по-прежнему держала в руках садовые ножницы. Был теплый прекрасный вечер, где-то неподалеку пел дрозд.

— Я не хочу ехать с ними! — неожиданно заговорила Матильда. — Я не поеду с ними.

— Боюсь, что тебе придется ехать.

— Я хочу жить здесь с вами, — сквозь слезы проговорила Матильда. — Пожалуйста, можно я буду жить здесь с вами?

— Мне бы этого очень хотелось, — сказала мисс Хани. — Но боюсь, это невозможно. Нельзя оставлять родителей только потому, что тебе этого хочется. У них есть право взять тебя с собой.

— Ну а если бы они согласились? — живо спросила Матильда. — Если бы они сказали: «Хорошо, пусть она остается»? Вы бы позволили мне остаться?

— Да, это было бы замечательно, — тихо произнесла мисс Хани.

— А я думаю, что они дадут мне такое разрешение! — воскликнула Матильда. — Честное слово, я так думаю! Вообще-то им ведь на меня наплевать!

— Не торопись, — сказала мисс Хани.

— Нам нужно торопиться! — вскричала Матильда. — Они могут уехать в любую минуту! Идемте! — воскликнула она, крепко сжимая руку мисс Хани. — Пожалуйста, пойдите и попросим их! Но нам нужно спешить! Мы должны бежать!

И они побежали. Матильда бежала первой и тянула за собой мисс Хани. Наконец они подбежали к дому, в котором жили родители Матильды. Большой черный «Мерседес» по-прежнему стоял возле дома, только теперь багажник и все дверцы были открыты, и мистер и миссис Вормвуд, и брат Матильды копошились вокруг него, как муравьи, запихивая в машину чемоданы.

— Папочка! Мамочка! — задыхаясь от бега, закричала Матильда. — Я не хочу ехать с вами! Я хочу остаться здесь с мисс Хани, и она говорит, что возьмет меня к себе, если вы дадите на это свое разрешение! Скажите «да»! Папочка, ну скажи же «да». Скажи «да», мамочка!

Отец обернулся и взглянул на мисс Хани.

— Вы та самая учительница, которая как-то заходила к нам, не так ли? — спросил он. После чего отвернулся и продолжал запихивать чемодан в машину.

— Этот чемодан пойдет на заднее сиденье, — обратилась к нему его жена. — В багажнике больше нет места.

— Мне бы очень хотелось, чтобы Матильда жила со мной, — сказала мисс Хани. — Я буду заботиться о ней, мистер Вормвуд, и я за все заплачу. Она не обойдется вам ни в один пенс. Но это не моя идея, а Матильды. И я не возьму ее к себе без вашего добровольного согласия.

— Не молчи же, Гарри, — сказала мать, запихивая чемодан на заднее сиденье. — Почему бы нам ее не оставить, если она этого хочет. Одним ртом меньше.

— Я спешу, — сказал отец. — Мне нужно успеть на самолет. Если она хочет остаться, пусть остается. Я не возражаю.

Матильда тут же оказалась на руках у мисс Хани, и они обнялись.

Отец, мать и брат Матильды сели в машину, и та сорвалась с места. Брат помахал сестре в заднее стекло, а родители даже не обернулись.

Мисс Хани держала девочку в своих объятиях, и обе они не произнесли ни слова, пока большая черная машина не скрылась за поворотом.

Содержание

Читательница	5
Мистер Вормвуд, великий торговец автомобилями	17
Шляпа и суперклей	24
Привидение	31
Арифметика	40
Платиновый блондин	46
Мисс Хани	54
Транчбуль	67
Родители	73
Метательница	81
Брюс Богтроттер и торт	94
Лэвиндер	108
Еженедельный опрос	114
Первое чудо	128
Второе чудо	136
Домик мисс Хани	141
История мисс Хани	152
Имена	162
Тренировка	165
Третье чудо	169
Новый дом	179

Рояльд Даль
МАТИЛЬДА

Редактор

Игорь Захаров

Обложка

Алексей Кокорекин

Верстка

Кирилл Лачугин

ISBN 5-8159-0251-9

9 785815 902510

Директор издательства Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров

Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9

*(Рядом с Никитскими воротами,
отдельный вход в арке)*

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru

Подписано в печать 20.06.2002. Формат 84x108 ¹/₂. Гарнитура Таймс.
Бумага Novel. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Тираж 5000 экз. Изд. № 251. Заказ № 305.

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

КНИГИ «ЗАХАРОВА» В РОЗНИЦУ
Самый полный ассортимент и минимальные цены!

**КНИЖНАЯ ЛАВКА
ПРИ ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ
ИМЕНИ ГОРЬКОГО**

Тверской бульвар, 25
(во дворе института налево — если зайти с бульвара,
и направо — если зайти с Большой Бронной;
метро «Пушкинская», «Тверская»)

понедельник—пятница с 10.00 до 19.00
суббота с 11.00 до 17.00

тел.: 202-8608; e-mail: vn@topnet.ru

На территории США и Канады книги
издательства «Захаров» оптом и в розницу
можно приобрести по адресу:

Petropol, Inc.
1428 Beacon Street
Brookline, MA 02446
(617)232-8820

Интернет магазин:
WWW.PETROPOL.COM

Роальд Даль
1916 — 1990

Первое в России
полное собрание произведений
классика английского
черного юмора.

«Хозяйка пансиона»
11 рассказов

«Дегустатор»
15 рассказов

«Ночная гостья»
4 рассказа

«Мой дядюшка Освальд»
роман

Поздние рассказы

Ранние рассказы

«Приключения Чарли»
2 повести

«Матильда»
роман

Автобиографическая
проза

"ДОМ КНИГИ" 80.0

Даль
Маг
а

0 105500 380598